ТАЕЖНЫЕ ТРОПЫ

Выпуск 4

Кр1246681

ВОЛОГДА
1995

К ЧИТАТЕЛЮ

Вы берете в руки четвертую книжку альманаха «Таежные тропы». Как и в первых трех книжках, Вы встречаетесь вновь с самыми различными проблемами, которые тесно переплетены с жизнью леса и этих добрых людей, стоящих на страже зеленого друга, как зеницу ока берегут его богатства и много делают для их восстановления и приумножения.

Третий съезд лесничих России, состоявшийся в Санкт-Петербурге в сентябре 1994 года, обозначил главные направления в развитии лесного хозяйства. Особое звучание на этом съезде приобрели проблемы престижа области, которой мы, лесохозяйственники, посвятили свою жизнь, свои силы, свой интеллектуальный потенциал.

Почему так важен престиж лесовода, хранителя леса — нашего главного национального богатства? Потому, что лесное хозяйство — отрасль особая. Нигде больше в народном хозяйстве не имеет такого значения стабильность кадров, их добросовестность, если хотите, глубокая преданность тому святому делу, каким является служение живой природе, лесу — источнику несметных богатств и хранителю хлебной нивы, стабилизирующему водный режим рек и озер и являющемуся настоящей «фабрикой» кислорода, дающему кров и пищу всему живому и оздоравливающему все вокруг.

К сожалению, ныне состояние стабильности кадров лесохозяйственников нельзя признать нормальным. За последние десять лет из двухсот лесничих, работающих в системе управления лесами, сменилось более половины. Лишь в последнее время положение стало улучшаться. Среди работников леса не велика прослойка молодежи. Разве это нормально? Ведь если посадка и выращивание леса, прежде, чем он будет срублен и пойдет в дело,

на службу человеку, станет передаваться из рук в руки, скажем, раз тридцать, то из этого ничего хорошего не получится.

Профессия лесничего, лесохозяйственника любого ранга нуждается в повышении своего общественного престижа. И дело не только в том, что труд работника леса еще очень тяжел, сопряжен с бытовыми неудобствами и даже немалыми лишениями, а вознаграждение за труд не всегда по-настоящему достойно. Свою огромную роль здесь должно сыграть убедительное слово публициста, журналиста, писателя. Работник леса заслуживает всяческой моральной поддержки в обществе. Неслучайно же во все периоды нашей отечественной истории эту поддержку хранителям леса всегда оказывали писатели России, посвящая им свои лучшие произведения.

Вот что сказал о лесоводе наш современник, мастер слова, писатель Валентин Григорьевич Распутин: «Прекрасная профессия, чистая и радостная, одна из тех, совсем ныне редких, где все от начала до конца полезно и оправдано, все служит человеку и красоте окружающего его мира, нравственному здоровью не только у нас с вами, но и у наших детей и внуков».

Н. НЕВОЛИН,
начальник управления лесами
администрации области

Александр ЗАЖИГИН

«Только здесь отдыхает душа...»

(Окончание. Первая часть этого очерка о вытегорских лесоводах опубликована в третьем выпуске «Таежных троп»).

1. ЧЕТЫРЕ ЗАКОНА ЭКОЛОГИИ

В безоглядной погоне за интересами своего ведомства можно, конечно, и рвать на груди рубаху, и биться головой о стену. Практика показывает, что при этом на какое-то время вы вполне можете прослыть даже героем, патриотом своей профессии. Правда, в конечном счете, вы скорее всего останетесь «без головы», а дело, ради которого было затеяно это сражение, продвинется вперед незначительно.

Но можно действовать и по другому. Решение любых, даже самых сложных вопросов искать на путях разумных компромиссов, вдумчивых и всесторонне взвешенных. Такой путь сложнее, но результативнее, а это главное.

Многие годы директор Андомского лесхоза Юрий Михайлович Алексеев именно так и поступает. Глядя на Алексеева, никак не подумаешь, что в 1994 году стало сорок лет, как он здесь работает. Райлесхоз в Андоме был образован в 1948 году, а Ю. М. Алексеев, молодой выпускник Рыбинского лесного техникума, приехал сюда работать в 1954 году. Практически все развитие и становление лесхоза происходило на его глазах. При-

няли его на должность помощника лесничего Куржекского лесничества. Лесничим работала здесь Александра Петровна Федоткова, — удивительная женщина, всю жизнь посвятившая лесной охране. Многим она привила любовь к лесу, помогла выбрать профессию, обучала на первых порах практическому ремеслу лесовода. Ныне она на пенсии, уважаемый в этих местах человек.

Главная забота помощника лесничего — отвод делянок и контроль за рубкой. На отводы делянок, а леса тут неоглядные, приходилось уходить далеко. Проводить вдали от дома дни, недели.

Постепенно в лесу начала появляться техника. Юрий Михайлович хорошо помнит первые электропилы. Ставилась в лесу специальная станция, от нее протягивался кабель. Позднее стали использоваться бензопилы «Дружба». Делянки были небольшими. Трелевали и вывозили лес лошадьми. В лесу прокладывалась так называемая дековильная дорога, чем-то напоминающая нынешнюю узкоколейку. Только вместо рельс клались толстые жерди. По ней лошадьми на тележках и вывозили лес. Рубили грамотно. Тонкомер, подросток, как правило, оставляли. Поэтому на вырубках тех лет сегодня растет хвойный лес.

Технический прогресс, новая техника на лесозаготовках, как считает Ю. М. Алексеев, самому лесу, природе в целом блага не принесли. Скорее наоборот. Заготовки древесины, да, возросли. А в остальном вышел проигрыш, хотя, на первый взгляд, и не сразу бросающийся в глаза. И по сей день отечественная техника проектируется и создается не только без всякого учета законов экологии вообще, но и лесовосстановления в частности. Взять куб — вот главная задача такой техники. Лесорубы, повторяя слова проектировщиков, смотрят на лес только как на сырьевую базу, говоря, как заклинание, пословицу: «Для того и вырос лес, чтобы под пилу лез».

Многие годы в нашей стране задачи лесорубов и лесоводов не стыковались, сложности на этой почве возникали постоянно. Можно ли в таких условиях добиться желаемого для лесоводов результата? Юрий Михайлович считает, что можно, если не идти напролом, а спокойно, взвесив все «за» и «против», поискать компромиссный вариант, который бы в главном устроил обе стороны. Вот некоторые примеры такого подхода к делу.

В связи с тем, что с приходом техники площади вырубок возросли, в семидесятые годы остро встал вопрос о ликвидации сучьев и прочих отходов. Лесохозяйственные инструкции требовали почти идеальной очистки лесосек от порубочных остатков. Мотивы как-будто веские: необходимо обеспечить пожарную безопасность и подготовить площади для посева и посадки лесных культур. Уборка отходов на вырубках — дело хлопотное, трудоемкое, значительно удорожающее себестоимость заготовленного кубометра. Людей для этого всегда не хватает, техники специальной нет. Основной способ очистки вырубок — огневой. Иначе говоря, древесные отходы лесорубы попросту собирали в кучи и сжигали. Когда делянки были небольшими, такие костры — еще полбеды, но вот у современных сучкорезных машин накапливаются уже огромные кучи мусора. Их, как и прежде, лесорубы, уходя на новые делянки, поджигают. Долго горят такие костры. Тлеют. Ветер нередко раздувает их и — пошел гулять по вырубкам огонь!

По этой причине участились в лесу пожары. Один из таких пожаров в Белоручейском леспромхозе, вспоминает Ю. М. Алексеев, распространился на площади более чем в 500 гектаров, ущерб лесной ниве нанес огромный. Было установлено, что более половины всех возникающих в лесу пожаров, происходит от костров при сжигании хвороста. Есть у лесовода Ю. М. Алексеева на этот счет статистика по Андомскому леспромхозу, из которой следует, что такая чрезмерная забота о чистоте площадей очень дорого обходилась «зеленому другу». Лесоводы, вроде бы, преследовали благородные цели, а результат вышел плачевным — не столько восстанавливали, сколько теряли.

И Юрий Михайлович пришел к выводу: костры в лесу не допустимы, они приносят больше вреда, чем пользы. Однако чем их заменить? Делянки ведь надо как-то чистить, готовить к посадке молодняка...

В районе собрали совещание лесоводов и лесозаготовителей, пригласили и специалистов из соседних районов. Предлагался компромиссный вариант, при котором часть затрат по очистке готовы были взять на себя лесоводы. Суть метода, предложенного Ю. М. Алексеевым, состояла в том, чтобы на вырубках с помощью бульдозера прокладывать так называемые минерализованные по-

лосы с раскорчевкой пней и окучивание древесных отходов в продольные валы.

Преимущества нового метода проявились сразу же. Во-первых, такая обработка делянки одновременно являлась и подготовкой почвы под посадки с использованием техники. Что само по себе очень важно, поскольку позволяло лесоводам обработать все площади в лучшие агротехнические сроки, значительно увеличив объемы посадок. Снизилась, конечно, и пожароопасность, поскольку широкие «чистые» полосы служили надежной преградой огню. К тому же, порубочные остатки, укладываемые в валы, перемешиваются с землей и потому имеют пониженную загораемость. Позднее проявилось и еще одно достоинство нового метода очистки — в первые два года посадки леса по полосам не требуют ухода за молодыми насаждениями. Не скоро эта зона зарастает травой, легче в дальнейшем механизировать процесс подкормки и внесения удобрений. Правда, местами нарушается верхний слой почвы. Однако практика показала, что при посадке саженцев и сеянцев в два ряда вдоль образовавшихся валов и в непосредственной близости к ним, обеспечивается высокая приживаемость и хороший рост культур.

Как легко заметить, все эти преимущества относятся к работе лесоводов. А что же лесорубы? На совещание они придут, послушают, на словах согласятся, а когда до дела дойдет, скажут: «А у нас нет бульдозеров...» И вновь запылают костры на делянках, угрожая лесу пожаром. Предвидя подобный поворот событий, Юрий Михайлович запасся цифрами и расчетами, которые способны переубедить любого скептика. Вот, скажем, пожар, возникший в 1973-м году в Куржекском лесничестве на захламленной вырубке, распространился на 34 гектарах леса. Для его ликвидации бульдозерами прокладывались специальные защитные полосы. На тушение пожара затратили 197 человеко-дней и 63 машино-смены. Такими техническими средствами можно было бы легко очистить 180 гектаров вырубок с прокладкой минерализованных полос.

Применение методов бульдозерной очистки лесосек позволило Андомскому лесхозу в течение ряда лет не только успешно справляться с плановыми объемами лесовосстановительных работ, но и сохранить значительные площади от пожаров.

— Знаете, — говорит увлеченно Юрий Михайлович, — лес — это живой организм, часть нашей природы. Но это и наше богатство. И, чтобы эффективно пользоваться этим богатством, важно понять законы, по которым живет лес.

Юрий Михайлович не только лесовод-практик с большим стажем работы. Он еще и краевед и ученый. В разные годы в местной газете у него были опубликованы целые серии материалов по истории развития и освоения Прионежья. А корреспонденций и статей, посвященных различным аспектам охраны леса — и не сосчитать.

Сталкиваясь на практике с какой-то проблемой, он, как правило, не ищет решение методом проб и ошибок. Этот путь слишком нерационален.

Юрий Михайлович раскрывает свою записную книжку:

— Перефразируя известные мичуринские слова, скажем: мы не можем ждать милости от природы, после того, что мы с ней сделали. Поэтому соблюдать экологические требования в конечном счете всегда выгоднее, чем требования технологии. Основных законов экологии четыре, я их себе записал в блокнот и стараюсь постоянно использовать в работе. Вот эти законы: 1. Все связано со всем. 2. Все должно куда-то деваться. 3. Природа знает лучше. 4. Ничего не дается даром.

Руководствуясь этими законами, а также огромным желанием изменить десятилетиями сложившуюся практику сплошных вырубок, Алексеев искал и в конечном счете нашел путь решения проблемы.

Собственно говоря, о чем идет речь? Наши лесозаготовители привыкли брать с делянки лес, что называется, подчистую. Забирая спелую древесину, техника ломает и уничтожает подрост. На такой лесосеке, которая порой достигает 200 и более гектар, не остается ничего, кроме сучьев и пней. А ведь сама природа поступает иначе («Природа знает лучше»). Старые деревья постепенно отмирают сами, а им на смену уже готов более молодой лес.

В развитых странах Европы действуют в соответствии с законами экологии и потому с единицы лесной площади получают древесины в два раза больше, чем мы. Скажем, финские специалисты трижды заходят на лесосеку и ведут только постепенные, выборочные рубки. Равномерно выбирают самые спелые, «куба-

туристые» деревья до 30-35 процентов общего запаса древесины, давая простор для роста оставленным деревьям и подросту. И так через каждые 8-10 лет до полной вырубки спелых деревьев. Правда, и вся лесозаготовительная техника, в отличие от нашей, проектируется и изготовляется у них именно для таких рубок.

С точки зрения лесовода, главный выигрыш таких рубок в том, что лесовосстановление идет само собой, самым надежным, естественным путем, не прерывая ни на день существование растущего леса на лесосеке. Кроме того, как считают специалисты, формирование насаждения из сохраненного подроста по сравнению с искусственным лесовосстановлением (посев, посадка леса) сокращает срок выращивания древостоев до спелости на 20 — 30 лет.

Короче, жизнь требует переходить именно на такую технологию рубки леса. Легко сказать — переходить, а как это сделать практически, если люди так работать не привыкли, да и техника на подобную технологию не рассчитана?

Пробовали и так, и эдак — ничего не получалось. Вполне возможно, что и оставили бы эту затею, работали бы как и прежде. Многие лесорубы, чего уж там таить, нередко на словах соглашаясь, что лес надо не забывать восстанавливать, на деле живут, руководствуясь требованиями дня сегодняшнего: «На наш век леса хватит, а там — была-не была...»

Но, как говорится, не было бы счастья да несчастье помогло. Это был период, когда лесхозы работали объедененно с леспромхозами, и Юрий Михайлович Алексеев занимал тогда должность главного лесничего Андомского комплексного леспромхоза. Порочность такого объединения хорошо видели специалисты. Ю. М. Алексеев тоже не сидел сложа руки, выступал со статьями в газетах, на примерах своего хозяйства доказывал бесперспективность, губительность для леса такого объединения. Интересы лесозаготовок в таком комплексе всегда идут впереди интересов лесного хозяйства. А отсюда и соответствующие последствия для лесной нивы. Лесная охрана оказалась в роли дополнительной рабочей силы для латания кадровых дыр в производстве. Так только с мая по декабрь 1989 года лесники Андомского КЛПХ отработали на лесозаготовках 271 человеко-день, на сплоточных работах в запани 368 человеко-дней, на сенокошении — 462

человеко-дня. И все это в ущерб работам по уходу за лесом, план по которому был выполнен всего на 75 процентов.

Однако вернемся к технологии рубки леса с [illegible]ранением подроста. Думаю, что выход, несмотря [illegible]то, нашли лишь потому, что занимался этим в леспром[illegible]зе все-таки лесовод, а не лесоруб.

— Вот смотрите, — Юрий Михайлович рисует на бумаге схему движения валочной машины, — для сохранения подроста нужен один холостой проход валочной машины, с укладкой пачек хлыстов и трелевкой их строго по следу валочной машины. За «спасибо», понятно, машиниста делать холостой проход не уговоришь. Значит, нужно платить не только за кубы, но и за соблюдение технологии. Что, в конечном счете, мы и сделали у себя в леспромхозе. Одним словом, спасение прионежских лесов мне видится в повороте лесной промышленности к изменению способа рубки леса. Вот только один пример. С 1977 по 1988 год в лесхозе увеличилась площадь болот примерно на 10 тысяч га. Причина? В том числе и та, что произошло заболачивание необлесившихся вырубок. На смену концентрированным рубкам должны прийти экологически допустимые, обеспечивающие безусловное сохранение молодняков и подроста. Немалую долю в объеме рубок должны занять выборочные и постепенные рубки. Ну и, естественно, все рубки должны соответствовать расчетным лесосекам, обеспечивающим непрерывное, неистощительное лесопользование.

Нередко лесоводов обвиняют в профессиональном консерватизме. Дескать, хотят повесить на лес замок, вместо того, чтобы, учитывая интересы государства, пускать древесину в дело. Несправедливое и ничем не обоснованное утверждение. Если лесоводам чего и не хватает, так это, чаще всего, мужества и стойкости в защите леса.

Слов нет, лесозаготовки — дело выгодное. Затраты на них раз в пять меньше тех сумм, которые можно выручить от продажи заготовленной древесины. Но записывать все прибыли на счета лесозаготовителей было бы ошибочно. В вырученных деньгах и аванс за те деревья, которые впоследствии придется растить на вырубках. И величина этого аванса может оказаться больше того, что удалось получить от продажи заготовленных лесоматериалов,

ибо предусмотреть на сто лет вперед все затраты по хозяйствованию в новых лесах почти невозможно.

Могуч и велик лес. И, в то же время, беззащитен, как ребенок. Как всякий живой организм, он может захиреть и погибнуть от болезней или от нападения вредных насекомых, раньше, чем поспеет в рубку.

Жук-короед с виду вовсе не похож на хозяина в лесу, но, размножившись, может нанести лесу значительный урон. Вот вам и еще одна проблема, решить которую, игнорируя законы экологии, нельзя.

Технология лесозаготовок предусматривает складирование древесины в запас с последующей ее вывозкой зимой. Для лесозаготовителей — это удобно: круглый год будешь с планом. Пока древесина оставалась в лесу в небольших объемах, не замечали развитие вредителей. Но когда стали оставлять на лето почти в каждом леспромхозе значительные запасы, короед сильно размножился. Тут, понятное дело, сколько собраний ни проводи. делу не поможешь. Путь борьбы один — экологический. Время, когда самки разных видов жуков-вредителей леса откладывают яйца, занимает период с половины мая до середины августа. Вот и напрашивается вывод: на этот период в лесу заготовка древесины должна прекращаться.

Но легко сказать, да непросто сделать. Юрий Михайлович приложил немало сил, чтобы убедить и доказать, что учет экологических особенностей в лесу, в конечном счете, выгоден всем. И вот уже в Андомском леспромхозе вахтовые бригады по заготовке древесины создаются не раньше первого августа. Но надо бы, считает лесовод Алексеев, для большей гарантии отодвинуть этот срок еще недели на две.

Помогает сегодня и то, что размеры штрафов за нарушение правил отпуска древесины в лесах стали сопоставимы с рыночными ценами. При этом главная цель таких штрафов не в перекачке денег, а в том, чтобы заставить в конце концов лесозаготовителя не наносить вреда природе. Механизм штрафов только тогда сработает, когда будет действовать правило: закон дешевле соблюдать, чем нарушать. У нас же в лесных делах было как раз наоборот.

2. «В ЛЕС ВХОЖУ, СЛОВНО В ДОМ РОДНОЙ».

Случайность это или есть в том какая закономерность, не знаю, а только спустя год после образования Андомского лесхоза опубликовала газета «Комсомольская правда» большой очерк о людях, вставших на охрану здешних лесов. Было это летом 1948 года. Корреспондент столичной газеты, как он сам признавался, много слышал «о красоте здешних заповедных мест, полных птицы и зверя, о быстрых, порожистых реках, об охотниках-следопытах, об одинокой, подвижнической жизни лесоводов».

И вот он вместе с охотниками оказался в этом лесу. Главные герои очерка — лесной объездчик Папий Тимофеевич Тимофеев, которому уже за семьдесят, «старик с седой острой бородкой и тонкими — в стороны — усами и — его юная помощница — Антонина Удальцова. Вот Тимофеев показывает корреспонденту свою гордость — леса, выращенные из семян. Первые свои участки он засеял в 1921 году. Сеянцев, естественно, не было. Папий Тимофеевич собирал в лесу шишки, разламывал руками, доставал из них семена и сажал. И вот за просекой стоит и весело шумит теперь молодой лес. «Он простирается вокруг, как зеленое море — чистый, вызывающе юный, загадочный». Одна к одной поднялись сосны высотой метров восемь-десять, 124 гектара.

«Сколько труда, сколько хлопот, — бормочет Папий Тимофеевич, — каждый метр на коленях прополз.

Он снял шапку, расправил усы и признался растроганно: «Отдыхать сюда прихожу. Бывает, что и заночую здесь, когда темно... Лежу и думаю: старый я, скоро на покой — умру, а лес мой останется! Сотни лет стоять будет, радовать глаз человека».

В этом главная задача и заслуга лесовода любого поколения — вырастить хороший лес, передать его потомкам».

Очерк с неброским названием «В лесу» читается на одном дыхании. Для многих горожан, несомненно, он явился своеобразным откровением о жизни людей в далекой северной глубинке. Хочется привести здесь еще слова старика Тимофеева о лесе: «Бывал я и в городах, приходилось, но шумно в них, тесно. И в степи жил — там скучно, голо кругом. Только здесь отдыхает душа... Лес — это, милые мои, мудреная книга, и читать ее людям весьма интересно и полезно. Я могу рассказать, где какое дерево растет, сколько ему лет, сколько сосен срублено за год, где птицы

вьют гнезда, какую думу думает лес по вечерам, и о чем шумит и плачет он осенью на ветру...».

Давно уже нет в живых Папия Тимофеевича. Шутка ли сказать, со дня описываемых в очерке событий прошло 46 лет. Как сложилась в дальнейшем судьба Антонины Удальцовой, мне не известно. Быть может, после выхода этой книги что-нибудь прояснится? Будем рады об этом узнать и рассказать в дальнейшем нашим читателям.

В сентябре 1993 года на областном съезде лесничих я познакомился с теми, кто сегодня стоит на страже андомских лесов. Вечером в гостинице моими собеседниками были главный лесничий Андомского лесхоза Виктор Николаевич Софронов, лесничий Ладвозерского лесничества Виктор Николаевич Богданов, лесничий Андомского лесничества Владимир Константинович Панов и лесничий Верховского лесничества Виктор Григорьевич Егоров. Долго мы тогда проговорили, часа, наверное, три. В первую очередь, конечно, коснулись проблем, которые поднимались на съезде. Благо, впечатления от первого дня его работы были самые свежие. Каждый коротко рассказал о себе, как и почему он попал на работу в лесхоз, кто был первым его наставником и что помогает ему оставаться верным до конца своему делу, несмотря на имеющиеся сложности.

— Я горжусь своим лесом, — чуть взволнованно говорит лесничий Ладвозерского лесничества Виктор Николаевич Богданов, — хотя и работа нелегкая, есть свои особенности. На территории лесничества аж два заказника — Сайдозерский экологический заказник и Верхнеандомский гидрологический. И места у нас красивейшие, приезжайте, сами увидите.

А еще Виктор Николаевич пишет стихи. О своем лесе, конечно. Дома хранится целая тетрадь. Одно из своих стихотворений он записал мне на добрую память в блокнот. Вот оно:

В синей утренней дымке лес
Насторожен, безмолвен, дик.
В этот утренний, ранний час
Я иду лишь к тебе, «старик».
В лес вхожу, словно в дом родной,
После долгих и трудных дорог
Дай мне, лес, долгожданный покой,

Хоть на часик избавь от тревог.
Тихий шорох листвы под ногой,
Вспугнутой птицы крик.
А вокруг — тишина и покой,
Ни один не раздастся звук.

Время течет только в одном направлении — из прошлого, через настоящее, в будущее. Десятилетия прошли, сменились поколения андомских лесоводов. Но традиции остались. Долг свой служебный лесники всегда исполняли честно. Было ли это в андомском, вытегорском или в каком другом лесу на Руси. А случись иначе, и нам не получить бы в наследство такую лесную ниву, которую мы имеем сейчас.

ВЫТЕГОРСКИЙ РАЙОН

Николай ДРУЖИНИНСКИЙ,
член СП России

РАССКАЗ

Корьевщики

Эта не очень красивая история года два гуляла по районному городку. Здесь люди все на виду, каждый знает друг о друге почти все и даже капельку того, чего не знает сам о себе человек, ставший предметом всеобщего обсуждения. Но, как говорится, легче легкого судить кого-то, надо самому побывать на его месте...

У Веньки Крестьянинова, ему недавно стукнуло ровно тридцать семь лет, вдруг, — это он с интересом заметил, разглядывая себя в зеркало, появились на левом виске пять седых волосин. Учитель физкультуры в школе, легкоатлет, чемпион области по лыжам, лучший рыболов и ягодник-грибник... И на вот тебе! — пять седых волосин. В такие-то годы. В мирные годы! Венькины предки, прежде всего бабушка по маминой линии, до девяноста лет с гаком жили. А тут — признак благородной старости. Но перейдем к истории.

Случилось все просто. Венька, как всегда, куда-то торопился, летел спортивным шагом по знакомой улице, пригнув небольшую головку, и встретил своего бывшего школьного друга Васю Мунина. Вася, распушив рыжеватые «хохлятские» усы, словно кот поигрывал с мышью — вертел руль своего новенького «Жигуленка».

Поравнялись давние приятели. Машина остановилась. Венька и Вася поздоровались. И у Веньки Крестьянинова в развеселой голове неожиданно мелькнула идея.

— Василий, — произнес он значительно, — я такой куст ивы знаю неподалеку... Поехали корье драть? По тридцать копеек килограммчик! Тонна — триста рублей... Мазь от комаров есть — «Дэта».

— Бензопила нужна. Не топором же рубить ивы, — произнес с мягкой улыбкой Вася. — К тому же разрешение... Билет от райпотребсоюза требуется, от заготконторы.

— Ерунда! Пилу у соседа моего возьмем, а билет: сегодня же маме скажу об этом. Она живо выпишет. Главное ведь транспорт, — Венька от радости подпрыгнул. — Кустик знаю тонн на пять. Закачаешься!

— Поехали тогда завтра с утра, — согласился Вася.

— Зачем завтра? Поехали прямо сейчас.Итак, сегодня у нас двадцать восьмое мая. Ива истекает, ива вытекает — самый сок!

— Поехали уж... Переодеться надо по форме.

— Калымнем, Муня. Ты знаешь, у меня скоро сессия в пединституте. Последний мой заочный курс! У женки хоть в этот раз денег просить не стану. Ребятишкам по велосипедику куплю.

— Я так на юга с Нинулей подамся, — Вася Мунин мечтательно задумался, — лучше бы, дураку понятно, без «своего самовара»... Но Нинуля у меня хорошая! Возьму ее на всякий случай...

Венька и Вася, наспиливав старых замшелых ив, — куст действительно оказался богатым, — сидели у костра, варили суп вермишелевый с мясом. Из пакета, суп-концентрат.

— А чего, рубликов по двести мы уже наваляли, — говорил Венька, боязливо облизывая горячую деревянную ложку.

— Побольше, — Вася методично отмахивался от комаров березовым веничком, — ива старая, кора тяжелая, потянет того!

— Помнишь, в детстве, в середину ивовых пучков мы по камешку для веса заторкивали, — Венька старательно вылизал остывшую ложку, сунул ее за голенище сапога.

— Как не помнить. Но и влетело нам раз от приемщика дяди Саши Чукина. Заставил все пучки распотрошить! Злостный был старичишка, из собачьих шкур шапки шил.

— А помнишь, как кротовые шкурки ему сдавали?

— Мы-то мало! Вот братья Чертановы, те — да. По два раза дядьке Саше одни и те же шкурки всучивали.

— Как по два? — изумился Венька.

— Отвернется он от прилавка или уйдет в склад... Склад-то в одной сараюшке был, тут же. Они пачку шкурок в тот момент и стянут... Распакуют на улице, подговорят кого-нибудь другого эти шкурки сдать. Не помнишь разве? Я один раз тоже так сделал.

— Помню, бедно жили Чертановы. Мать у них одна, есть нечего. Сам знаешь, пятидесятые годы... Вот они и поворовывали! Старший-то сейчас у них в райисполкоме работает, в бюро по трудоустройству. Хороший мужик получился, — Венька на минуту

посерьезнел, на узком лбу его прорезались две кривые пересекающиеся морщины.

— Младший где у них теперь? — спросил Вася.

— Трактором задавило. Лет пять тому назад. Здоровый был парень, нахрапитыстый...

— Д-да! Жизнь — коварная штука. Сегодня ты на коне, завтра неизвестно где окажешься, — Вася боязливо поглядел на белесую тучку, появившуюся на южной стороне неба. — Не плесканет, а?!

— Не должна. Но надо торопиться. Дорого яичко во Христов день! Надо успеть окорить вон те еще ивушки...

— Хапуга ты, Веня! Корьевщик неисправимый, — лукаво сказал Вася.

— Не хапуга, а лесной санитар. Уничтожаю сорный лес! Спасибо мне!!! — Венька ухарски перепрыгнул через комель толстенной Ивы и пропел строку из незнакомой Васе частушки:

«Урожай у нас богатый и болота тописты...»

— Дальше что? — прищурился хитро Вася.

— Девки выросли титясты и ... так далее, и так далее!

— Понятно, понятно, Вениамин Иванович. Продолжайте в том же духе. В лесу все можно, можно похалеститься от души. В лесу не в городе: плюнешь — летит, ни в кого не попадешь. Красотища!

День близился к исходу. В кустах перепархивали мелкие пичуги. За перелеском раздавалась жалобная песня чибиса.

— Ваши документы на порубку! — из кустов неожиданно возник широкоплечий человек в темной телогрейке.

— ? !

— Зеленая зона здесь, молодые люди! Я лесник. Фамилия моя — Чернов. Ваши документы на корье. Прошу!

— Какая зеленая зона? Вот же просека на Прокурино проходит. Это лес лесхозовский, а это, — Венька указал прямо ладонью, — совхоза «Авангард». Все законно. Из тютельки в тютельку! У меня и папа это место хорошо знает... До сих пор работает у вас в лесхозе слесарем, хоть давно он на пенсии.

— Билет на порубку предъявите? — невозмутимо с хрипотцой произнес лесник.

— Не взяли с собой билета... Дома билет! Думали поглядеть, да вот наспиливали, — Вася явно занервничал, левый ус у него два раза криво дернулся.

— Понятно. Придется проверить. Ив напилили, друзья, вы все же в зеленой зоне... Факт! Я недавно в лесниках, но знаю свое дело крепко.

— Зеленую зону от сорного леса надо чистить! — яростно отпарировал Венька.

— Обязательно. Ваши фамилии назовите, пожалуйста...

— Крестьянинов я, вы папу моего знаете в лесхозе. Я сам эти леса с детства все обегал — за ягодами, за грибами. С пятого класса школы.

— Понимаю, — ласково улыбнулся Веньке коренастый лесник, — разберемся.

Венька с Васей спорили в машине.

— Загремим с тобой под фанфары, — боязливо говорил Вася, заберут за незаконную порубку леса. Уголовная ответственность за это хорошая предусмотрена!

— Не заберут! Пусть — зеленая зона, но существуют же специальные санитарные порубки, — хорохорился Венька.

— Тебе все-равно. Конечно, у тебя нет личной машины. У меня «Жигуленка» могут того... конфисковать — транспортное средство, использованное в целях наживы.

— Ну загнул ты! — изумился Венька.

— В натуре, такое бывает.

— Тогда я все на себя возьму. Скажу, что ты тут случайно оказался.

— Спасибо, друг Веня, — Вася стал заметно успокаиваться.

По райцентру, словно рыжие тараканы, стремительно разбежались слухи. Оказалось, что билет на порубку ив Венькина мать выписала в заготконторе райпотребсоюза только в понедельник. Друзья же были задержаны лесником в воскресенье. Для лесхозовского начальства — козыри в руки! — прямой повод для предъявления иска в народный суд. Тем более, что директор лесхоза, Борис Сергеевич Дремский, был сердит на Венькиного отца за то, что последний без ордера занял двухкомнатную квартиру во вновь построенном лесхозовском доме. Дремский лично сам хотел въехать в эту квартиру. Но Венькин отец — инвалид войны второй группы. Тут, как говорится, выше своего носа не прыгнешь. Венькин папа еще вдобавок в этом новом благоустроенном доме самолично монтировал всю сантехническую систему.

Дремский тогда обратился к своему приятелю, районному прокурору: но прокурор спасовал, — выселить венькиных родителей из новой квартиры так и не смог... Свой особняк Крестьяниновы-родители перед самовольным занятием квартиры успели продать. Таким образом они оказались к моменту заселения без жилья. А с Венькиной мамой лучше не связываться: поедет по судам, вплоть до Верховного дойдет.

Теперь, когда в сообщении лесника Чернова мелькнула фамилия «Крестьянинов», начальник Дремский тотчас же позвонил о факте лесонарушения прокурору. Через неделю в списке гражданских дел, назначенных к слушанию в суде, красовалась Венькина фамилия, где указывалось, что он в возмещение материального ущерба обязан заплатить лесхозу штраф и попенную неустойку — три тысячи восемьсот рублей.

Дело закрутилось. Слухи перебегали по конторкам, оживленно-радостно смаковались у магазинов и в единственном кинотеатре «Колос». С каждым днем все ярче вырисовывались мелкие подробности жизни участников предстоящего гражданского процесса.

Васю Мунина журили за то, что он ушел в тень, предоставив обязанность отчитываться перед народным судом Веньке Крестьянинову. Кто-то восторгался: «Ловок Вася Мунин!»

Уголовного дела не получилось, хотя оно и было предварительно возбуждено. Районный суд предъявил к ответчику гражданский иск.

Суд состоялся. Веньку не оправдали. Обвинили Веньку Крестьянинова. Венькина мама живо скаталась с жалобой в коллегию по гражданским делам областного суда, — решение районного суда временно приостановили, дабы добраться до истины: была ли на самом деле в месте лесонарушения зеленая зона. Выезжала на место происшествия комиссия из района, затем наведалась областная комиссия. Поднимались из под спуда пыльные стародавние бумаги, гласящие, в каком радиусе от районного городка расположена зеленая зона.

Снова Венькино дело было рассмотрено в районном суде. Снова его мама ездила в область уже к какому-то другому начальству...

Тяжба Крестьянинова с лесхозом тянулась уже два года. В школе, где преподавал Венька физкультуру, строгая директриса сказала: «Подавайте, Вениамин Иванович, заявление об уходе с работы по собственному... Звонил прокурор. Ваше поведение несовместимо с воспитанием подрастающего поколения!»

Следователь районной прокуратуры Герольд Васильевич Рожиков в глубине души жалел Крестьянинова. Рожиков был опытным следователем, семнадцать лет проработал на этой беспокойной должности, он намекнул Веньке: «Ты беги к леснику Чернову. Пусть лесник напишет тебе справку, что ива была старая (так ведь оно и было!). Сумма иска станет в таком случае значительно меньше. А там поглядим, как тебе дальше жить...»

Лесник Чернов предоставил для суда справку.

СПРАВКА

«Я, нижеподписавшийся лесник Пятовского лесхоза, Чернов Полиект Макарович, выдаю настоящую справку в том, а именно: ивы, которые растут на участке «Прокунино», где драл корье Крестьянинов В. И., худые, имеют застарелый вид, имеют еще 70% прогнилости. Пора было давно там вести санитарную рубку. Всё руки не доходили до этого.

К сему
лесник Чернов П. М.»

Вася Мунин явился вечером к Веньке с бутылкой портвейна. Дома у Крестьянинова никого не было.

— Ну, как Чернов? — спросил бодро Мунин, — меня он не помянул в справке?!

— Не сказал про тебя. Вот меня с работы вытурили вчера «по собственному желанию», — вот это дела... Но справка, думаю, поможет. Следователь Рожиков зря не скажет.

— И отличненько, — заулыбался приятель.

— Куда я теперь на работу пойду? РОНО в любую школу района дорогу закроет... Все уже знают. Хоть в грузчики, — пожаловался грустно Венька. — Ты бы это, Вася, поделился со мной деньгами? Сам знаешь: госпошлина, судебные издержки, мамины поездки в область... Уже четыреста рублей на все эти дрязги вылетело. Не миллионер ведь я!

— Какие деньги? — недоуменно пожал плечами Вася, — мы же денег за корье не получили. Какое надрали корье — все конфисковали...

— Ну, видишь, я расходуюсь, а ты остался в стороне... — стал объяснять Васе Венька.

— Никто тебя не просит расходаваться! Нечего тогда было фамилию свою леснику называть, папой бахвалиться... Все было бы можно замять сразу, — произнес наставительно Вася.

— Дорого яичко во Христов день, как ты говоришь. Шума не надо было затевать. Твоя мама ездила по судам...

— А все-таки надо поделиться, Василий, — сказал угрюмо Венька.

— Это еще как посмотреть! — захохотал Мунин, посверкивая ровным золотым зубом.

Венька вдруг весь судорожно напрягся, в горле у него прокатился горький шарик и застрял где-то внизу. Венька почувствовал

себя страшно оскорбленным, униженным. Униженным больше из-за того, что у него все не так в жизни получается... «У Васи есть машина, у Веньки нет. У Васи есть работа, у Веньки нет работы теперь. У Веньки двое детей, у Васи — ни одного. Вася живет без хлопот, у него все есть. Денег куры не клюют. Каков подлец он оказывается!»

— Надо поплатиться, Василий, — повторил очень тихо Крестьянинов.

— Рассчитаемся весной на бревнышках! — Вася аккуратно долил приятелю в стопку красное вино.

— Держи тогда, Муня! — Венька с медленного разворота влепил Васе короткий стремительный удар, попав точно по «хохлятским» усам. Мунин мешком свалился с табуретки.

— За что? — простонал растерянно Вася.

— За нашу дружбу, — сказал Венька и выплеснул остаток портвейна в раковину.

Последним заседанием райнарсуда Крестьянинов был оправдан. Лесной участок «Прокунино» не был зеленой зоной. Но Венька, говорят, не успокоился на достигнутом. Знакомые и друзья его при встречах насмешливо спрашивают:

— Пойдешь нынче корье драть?..

— Конечно пойду! Через газету об этом заготконтора просит, — Крестьянинов шутки земляков понимает.

Виктор КОРОЛЕВ,
член СЖ России

Осина, ты осина...

«Осина, ты осина, чертова лесина, ни жару, ни пару, ни углей самовару». Да, судя по этому расхожему присловью, дерево это прежде не пользовалось особой благосклонностью в народе. У Владимира Ивановича Даля узнаем, что осина — проклятое дерево. На нем Иуда повесился. С тех пор даже в очень тихую погоду на кроне лист дрожит. А под корою как-будто кровь...

Только у Даля тут не говорится о полезных свойствах осины. Оказывается, древесина обладает лечебным эффектом, секрет которого давно занимает умы ученых. Или вот загадка. Чтобы капуста не перекисла, в нее кладут осиновое колышко. До революции, в нечерноземных губерниях, осина во многом выручала селян. В селах, где хлеба не больно уродились, в старину говаривали: «Живем ельничком да осинничком». Из осины крестьяне ладили уйму поделок на продажу и свои бытовые нужды: ложки-поварежки, лукошки, гнутые короба любых размеров и даже лодки-долбленки...

Во многих местах России, к примеру в Башкирии, жилые дома строились из осиновых бревен. Стоят они по двести и более лет. Правда, их век долог только в том случае, если лесоматериал заготовлялся сведующими в деле людьми и сушился по всем правилам. В Лентьевском сельсовете Устюженского района и по сию пору сохранился жилой дом, срубленный из сосны в конце восемнадцатого века. Изба, это сразу видно, строилась во времена, когда здешние крестьяне еще не знали пилы и даже углы строений обтесывали топором.

Знатоки утверждают, что осина — лучший материал для постройки бань. Считается, что древесина этого дерева источает вещества, создающие ауру в помещении. Во всяком случае в

парилке, стены которой обиты осиновым материалом, даже при очень большой жаре дышится легко.

Как-то мне пришлось узнать, что осина является предметом особого интереса ученых-лесоводов. Растет это дерево повсеместно. Как говорят специалисты, лесопроизводительная его способность отличная. В нашей зоне дерево тоже растет хорошо, нередко достигая высоты тридцати и более метров. При этом часто остается здоровым даже в возрасте 130-150 лет. На Вологодчине, например, осинники занимают полмиллиона гектаров, уступая по своим площадям лишь хвойным древостоям и березе. Кстати, именно осинники снабжают кормом большое поголовье лосей. В основном за счет осины кормятся зайцы.

На лесосеменной плантации, что неподалеку от станции Дикая, я познакомился с преподавателем московского университета леса Б. Н. Владимировым. Вот уже около тридцати лет чуть ли не ежегодно приезжает Борис Николаевич со своими студентами на Вологодчину. Сотни километров прошагал он по лесным чащобам области в поисках таких экземпляров осины, которые бы отличались быстрым ростом, качеством древесины и меньше были подвержены гнили и различным заболеваниям. Дело в том, что такая осина должна быть в лесах нашей области. Известный селекционер-лесовод, академик А. С. Яблоков еще в пятидесятые годы нашел особую форму осины в Шарьинском лесничестве Костромской области. А это ведь как раз на границе нашего Никольского района. Назвали осину Исполинской. Она ничуть не уступает по своим достоинствам знаменитой Гигантской осине, которую отыскал шведский профессор Нельсон-Эле, а даже во многом превосходит их.

В этот раз Борис Николаевич побывал именно в Монзенских лесах, граничащих с Костромской областью, и привез большие целлофановые свертки укорененных черенков дерева.

Я с интересом наблюдал, как студенты разворачивали большие рулоны, в которых находились черенки, бережно обернутые влажным мхом. Потом рабочие аккуратно высадят их на архивно-клоновом участке. Здесь, на значительной площади, уже поднялось немало молодых осинок, выращенных из укорененных черенков, привезенных из разных районов вологодчины. На каждом деревце алюминиевая бирка с номером. Под этим номером все многообразные свойства деревца фиксируются лесоводами в

специальных журналах, в паспортах и даже в особых банках данных лесного генофонда страны. Борис Николаевич на память знает, чем отличается каждая молодая осинка от своих сестер и даже может рассказать, что может ожидать селекционера, когда то или иное деревце станет взрослым. Конечно, говорит он, все надо будет много раз перепроверить. Такова обязанность селекционера. И, может, пройдет еще немало лет, прежде чем путем тщательного отбора выявят именно те деревья, которые как раз и могут удовлетворить взыскательные требования бумажника и строителя, мебельщика и специалиста по изготовлению детских игрушек...

Осиновое сырье ныне повсюду входу. Везде на осину спрос. Во многих странах из нее делают отличную бумагу. На большом совещании работников лесопромышленного комплекса, которое проходило в конце 1994 года, шел разговор о необходимости перевода Сокольского промышленного узла на переработку лиственной древесины. Так что в ближайшие годы ее потребуется много и поиск ученых-селекционеров как нельзя кстати.

Скажем больше. В коммерческих кругах общеизвестно, что шведы, например, сегодня готовы платить за кубометр осинового баланса 160 крон. Это ведь почти пятьдесят тысяч рублей. Думается, что лесозаготовители еще дождутся настоящей цены.

...Борис Николаевич Владимиров может говорить об осине, кажется, часами.

«Еще не все ее секреты раскрыты», — утверждает он.

Почему, например, прежде крестьяне хотя бы раз-два в году топили печь осиновыми поленьями? Оказывается, дымоход после этого полностью освобождался от накопившейся сажи и хозяева избавлялись от угрозы пожара. До конца не изучены многие свойства этого дерева. Разве все мы знаем хотя бы о целебных «секретах» его коры, листьев, соцветий?

Известно, что мед из нектара, собранного пчелами в осинниках, ценится высоко, так как обладает особыми лекарственными свойствами.

— В каких областях экономики используется осина? А вы лучше спросите, где она не используется, — отвечает на свой же вопрос Борис Николаевич Владимиров. — К примеру, она просто незаменима в изготовлении бочек и всякой иной тары — ведь в древесине отсутствуют какие-либо включения смолистых ве-

ществ. К тому же, она непревзойденна по своим гигиеническим качествам. В Европе из коры получают лекарственные препараты. Да и в нашей народной медицине издавна применяются почки, побеги, листья осины.

Экспериментально доказано, что добавки в корм скотине коры или листа этого дерева самым благотворным образом влияют на здоровье животных и качество получаемой от них продукции.

— И вообще, — заключает свой рассказ Борис Николаевич, — наука еще не сказала своего последнего слова о значении этого дерева в жизни человека.

Что ж, в справедливости слов опытного специалиста, посвятившего свою жизнь изучению древесных пород русского леса, трудно усомниться.

Георгий САВЧУК

Призвание — лесничий

Василий Павлович Пелевин лихо подкатил нас на своем «УАЗике» к конторе Заболотского лесничества. Типовое, для прошлых времен, здание, аккуратно ухоженное.

На крыльцо выходит молодой человек. Знакомимся. Дементьев Николай Николаевич, помощник лесничего.

— Лесничий?.. А он на стройке. Дом двухквартирный до ума доводим — отвечает на наш вопрос Николай Николаевич и улыбается.

Ну что ж, едем на стройку.

— Вот он — лесничий, — кивает головой в сторону стоящего на крыльце мужчины Александр Сергеевич Позняк, начальник отдела лесовосстановления управления лесами.

Присматриваюсь. Симпатичное, волевое лицо. Ростом — выше среднего. Фигура хорошо сложена. Движения энергичные, уверенные. Все это сразу чем-то подкупает, располагает к собеседнику...

Александр Александрович Никитин лесничим работает чуть больше четырех лет. До этого заправлял местным совхозом. Преуспевал. Но потом, в 1989 году, вдруг понял, что его призвание — лес. И написал два заявления: одно — об уходе, а другое, в Кадниковский леехоз, с просьбой принять его в штат лесничим.

— Жена, небось, возражала? — интересуюсь у Никитина.

— Представьте себе, нет. У меня Галина Витальевна с понятием. Видела, что к лесу тянусь.

— А дети?

— И тут сплошная поддержка — Роман и Вадим лес полюбили не меньше своего батьки. Братья Никитины, как их у нас привыкли все называть, и на на лесных культурах, и на тушении пожаров, и на рубках ухода, — никакой работы не боятся.

— Значит, идут по папиным стопам?

— Вероятно, да. Только загадывать не хочется. Сами видите, во что нынешняя молодежь ударилась: все больше в торгашество. А в лесу работа не из легких. Да и зарплата мизерная. Порой приходится держаться на голом энтузиазме.

— И как, выкручиваетесь? — спрашиваю, хотя вижу, что тема эта моего собеседника не очень устраивает.

— Знаете, выкручиваемся благодаря подсобному хозяйству. Держим корову, теленка, кормим поросенка. Огород порядочный. Так что «подсобной» является скорее... наша зарплата.

Тем временем вскипел чайник. Александр Александрович готовит чашки, нарезает хлеб.

Через десять минут мы пьем чай с вареньем и неторопливо продолжаем беседу. Оказывается, в лесах лесничества работает три крупных заготовителя и целый ряд мелких. Глаз да глаз нужен. Удается ли ладить? Да всякое бывает.

— Я вообще-то сторонник подхода, при котором лесничий должен передавать лесосечный фонд лесозаготовителю и, по прошествии времени, принимать от него покрытую лесом площадь. Эта позиция четко обозначена в лесном законодательстве. Но, к сожалению, законодательство не выполняется.

Никитин смотрит на часы.

— У меня предложение, — говорит он. — Давайте продолжим разговор на натуре. Там сподручнее. Сами увидите и оцените результаты нашего труда.

Через тридцать минут осматриваем участки плантационных культур. Нельзя без восхищения созерцать результаты труда человеческого: ряды здравствующих елочек поражают воображение. Не верится, что в наших северных условиях такое возможно.

— В принципе, это нетрудно. Главное — обеспечить процесс создания таких культур с соблюдением технологии работ. А дальше — подобросовестнее относится к своим обязанностям и все. Ведь машина, между прочим, делает свое дело не думая. Нужно только ее отладить и будет качество. Естественно, все это должен делать специалист, лесохозяйственник. Нужно ведь и удобрение вносить, уходы всевозможные проводить...

— Александр Александрович, — задаю вопрос я, — технология создания плантационных культур весьма трудоемкая. Как вам удается справляться?

— Для лесовосстановительных работ в лесничестве создан мехотряд. Правда, в последние годы, из-за экономических трудностей, использовать его на сто процентов не удается. В этом году работали только пять корчевателей МП-7 и четыре трактора ДТ-75. Посадили сто гектаров лесных культур. Кроме того, еще столько же «принесут» лесозаготовители.

— А для каких целей создаются плантационные культуры?

— Цель чисто техническая — ускоренное выращивание хвойного сырья для бумажного производства. Уже к шестидесяти годам можно будет «снимать урожай». Следовательно, почти наполовину увеличивается эффективность использования лесных земель.

— И много ли у вас таких культур?

— Не знаю, много это или мало, но всего плантационных культур в лесничестве тысячу двести гектаров, — Никитин заулыбался. — Если учесть издержки моральные и материальные — то много.

... Дальше путь наш лежит в кварталы, где ведутся лесозаготовки. По дороге узнаю, что лесничество в этом году отказалось от сплошных рубок. Это несколько озадачивает.

— Лесозаготовители переквалифицировались на проведение постепенных и реконструктивных рубок. Вначале роптали. Теперь все нормально, — поясняет лесничий.

Дальше Александр Александрович коротко рассказывает о преимуществах этих способов рубок. Оказывается, значительно увеличивается коэффициент использования единицы площади. А, кроме того, при своевременном проведении этих рубок обеспечивается предварительное естественное возобновление эксплуатируемых площадей и удается обойти смену пород, на которую порой уходят десятилетия.

— И еще есть преимущества, — продолжает Никитин. — Если при сплошных рубках нерадивый тракторист мог забраться и в пасеку, то теперь его туда не пускает сама природа. Деревья стеной стоят.

Мы, с Александром Сергеевичем Позняком, вполне удовлетворены увиденным. Чувствуется: у этих лесов есть хозяин и радетель. Следовательно, не стыдно будет перед потомками...

Едем обратно и продолжаем беседу.

— Времена поменялись. Теперь появилось все и сколько хочешь. Но нет денег, — сетует Никитин. — С большим трудом достраиваем жилой дом. Контору лесничества нужно строить...

На несколько секунд мой собеседник задумывается.

— Считаю, что пришло время для образования корпуса лесничих. Нужно предоставить лесничествам экономическую самостоятельность.

Пытаюсь уточнить отношение Никитина к лесной мелиорации и применению химических уходов за лесными культурами и в молодняках.

Неожиданно получаю отрицательный ответ

— Убежден, — говорит Никитин, — что природа мудрее человека. Аргументы? Да ради Бога. Помните, вероятно, лет двадцать назад зайчики по полям и лесам бегали. А тетеревиные стаи? Где все это теперь? Мы бездумно все вытравили. А почему рыбные косяки так поредели? Вот вам и аргументы.

— А мелиоративные работы уже проводились, — продолжает свой монолог Александр Александрович, — но, почему-то, все больше на верховых болотах, где эффективность практически отсутствует. В результате создали «пороховую бочку». За планом гонялись.

— Но, скажем, у финнов эти работы проводятся и результаты поражают.

— У них объемы не те. А потом, технология и техническая вооруженность совсем другая. Мы до этого еще не доросли. Так что я противник проведения этих видов работ на современном этапе.

Подъезжаем к конторе лесничества. Дементьев усаживает пить чай. На дорожку. Вопросов много, но время поджимает. Мне, как любителю, хотелось поговорить про охоту и рыбалку. Успел выяснить лишь то, что Никитин тем и другим занимается. А еще любит собирать грибы и ягоды.

Понимаю, что настала пора прощаться. Больше часа лесничего ждут посетители. Поэтому задаю свой последний вопрос:

— Простите, Александр Александрович, за банальный вопрос. Что же Вами движет в Вашей непростой деятельности?

Никитин внимательно посмотрел на меня.

— Тут все очень просто, — нужно Родину любить...

На прощание мы крепко жмем друг другу руки. И уже в автомашине, по дороге на Вологду, я еще раз вспоминаю его признание: оказывается, чтобы быть лесничим, «нужно Родину любить...» Как просто — любить свою землю, любить лес, траву, птиц и зверей. Одним словом, свою малую Родину. Беречь и лелеять ее. Всего то...

Счастья Вам и Вашей семье, уважаемый Александр Александрович.

Николай ВЛАСОВ

С бывшим таксатором Евгением Николаевичем Преображенским, а ныне пенсионером, я долго не мог встретиться. Все время он оказывался при деле: то дача, то работа...

— Я вижу, вы постоянно заняты. В чем проблемы? Вы же на пенсии, можно, вроде бы, и отдохнуть.

— К пенсии нужен приработок — взял второй участок обрабатывать, — поясняет Евгений Николаевич. — К тому же дом строю. А если уж до конца честно, то это вошло в привычку — работать пока есть силы. К тому лесная жизнь приучила.

— Выговор у вас не вологодский. Откуда вы родом?

— Я — Калининский, из под Ржева, где шли ожесточенные бои с немцами. В нашей деревне они были десять месяцев, а уходя — все сожгли... После войны, в 1946-м, я поступил в Тихненево, под Рыбинском, в лесотехникум. Затем, после его окончания, попал по направлению в Вологду. Встрече с Северным краем обрадовался: меня всегда манил лес с его богатствами — ягодами, грибами, охотой, рыбалкой...

Так потихоньку текла жизнь. Сорок лет отработал я в лесоустройстве. Начинал техником, закончил старшим инженером.

Ну что сказать о работе? Была она интересной, но и трудной. Не каждый руководитель способен найти общий язык с сезонными рабочими. Тут нужны терпение и настойчивость. Не секрет, что частенько приходилось работать и с пьяницами, и с бывшими преступниками.

Но бывали и случаи совсем другого рода. Скажем, несколько сезонов у меня отработал полный кавалер Славы. Душно ему стало в суетливом городе, вот и отправился в тайгу.

...Умно, степенно ведет разговор мой собеседник. По всему чувствуется, у Евгения Николаевича огромный житейский опыт, да и дело своей жизни он знает в совершенстве.

— Наша лесоустроительная задача какова? — продолжает беседу Преображенский. — Вести расчистку просек, постановку столбов, а вершина всего лесоустроительного цикла — проект организации и развития лесного хозяйства. Таксационное описание, планшеты — это приложение к проекту.

В самом же проекте мы рекомендуем, где производить рубку леса, где вести санитарные рубки, а где срочно нужны лесные посадки.

Мой собеседник задумывается. Наверное, вспомнил что-то из своей лесной жизни, и я спешу опередить его вопросом:

— А что, Евгений Николаевич, в лесу поди всякое бывало — и смешное, и трагичное?..

— Да конечно. Вот в 1951-м работал «комбинатором», то есть в одном лице и инженером, и техником. Задача инженера — таксация, а техника — подготовка участков. Были тогда мы в тайге. Конец месяца, продукты кончились, три дня шел дождь, палатка подмокла. Нужно выходить, а да поселка тридцать километров. Дождь чуть поутих, и мы в путь. Ручьи разбухли, как реки. До русла в броднях добираешься почти по пояс.

На снимке: Преображенский в молодости

Наконец дошли до одной реки. Глядим: переправу унесло. Как быть? Течение быстрое, нешуточное. К тому же, топоры не взяли, в тайге оставили. А тут еще одна напасть, как назло, — один из рабочих у меня плавать не умеет...

Выход нашли оригинальный. Ножом срезали и связали две тонкие и длинные березы. Мужику говорим: «Держись за них, не выпускай из рук, что бы не случилось». Так, потихоньку, его и перетащили. Разожгли костер, обсушились, пошли дальше.

На другой год на мерной ленте одного перетаскивали через реку.

Что и говорить, всякое случалось...

Мой собеседник перелистывает пожелтевшие от времени снимки, продолжая вспоминать о былом.

— Вот тут, на снимке, вы с ружьем. Охотились в тайге?

— А как же. В лес всегда лаек брал. У меня однажды завелся пес беспородный, хотя и глухаря, и куницу облаивал. А вот на крупного зверя ни в какую не лаял. За домашнего что-ли принимал?

Кроме того, с собой я возил малокалиберную винтовку. Очень удобная. Сама легкая — боеприпасы легкие. А нам ведь все нужно тащить на себе: инструмент, провизию... Я даже лосей из этой винтовки бил, всякое случалось.

Дальше таксатор Преображенский вспоминает о годах своей работы на Северном Урале. Красивые места, горы в снегу, закаты. Рыбные реки, где водится хариус — Вымь, притоки Вычегды.

— А со зверьем у вас стычек не случалось? — интересуюсь я.

— Один раз шальная медведица действительно бросилась, а может и не шальная. У нее ведь медвежата были, правда большие. Но тут не до размышлений было — шутки со зверем плохи. Пришлось убить...

— Так и работали все на Севере?

— Один сезон направлялся в Забайкалье, в Читинскую область. Местность интересная: скалы, камни. Лес редкий, лиственница, по южным склонам сопок — сосна. Весной сопки сиреневые от цветущего багульника. Там много изюбра, коз (косуль), кабарги, бурундуков.

В темные ночи ловили на Амазаре и его притоках тайменя. Один раз я выловил сразу трех рыбин килограмма по четыре каждая. Такое не забывается.

— И что, нет у вас досады, что всю жизнь проводили летнее время в лесу?

— Нисколько не жалею. Лес прекрасен. В нем есть все, только жить в нем надо с умом.

И тут мой собеседник с горечью заговорил о лесных бедах. О плохом использовании леса. О несовершенстве технологии переработки, о штабелях гниющей древесины. О том, что мало еще занимаются уходом за лесами, о лесных пожарах. О том, сколько вреда принесли жесткие планы, когда «кубы» были нужны любой ценой.

...С моим собеседником мы беседовали в день профессионального праздника работников леса и, конечно, я не смог удержаться

от вопроса: что бы он, один из старейших работников, пожелал в этот день своим коллегам — лесоустроителям?

Ответ его был четок и ясен:

— Желаю им счастья, здоровья и удачи. Особенно тем, кто сейчас в лесу...

Георгий СТЕПАНОВ

Документальный рассказ

Про Амура и его хозяина

Федя Селедкин, вожегодский браконьер, завербовался в лесоустроительную экспедицию в начале мая. Приехал не один, а с собакой. С Амуром.

Ох и шуток же ему пришлось выслушать по поводу родословной своего питомца. И «смесь бульдога с носорогом», и «волкодав», и «дуб ушастый», и «Амур Федорович»... Всего и не вспомнить.

А Амур, в отличие от хозяина, хладнокровно впитывал шутки, поводя одним, высоко вздернутым ухом (второе у него отроду лопушком свисало до земли) и снисходительно задирал короткую лапу на все, что подвернется. Тем самым он как бы демонстрировал свое пренебрежение к обидчикам хозяина.

... К середине полевого сезона мнение о собаке изменилось. Оказалось, что Амур незаменим в охоте на боровую дичь. Как ему удавалось на своих коротких ногах постоянно находиться в поиске, перемахивая через валежины и завалы — одному Богу известно. Но работал он великолепно. О его способностях дошли слухи до высокого начальства. Зачастили проверяющие. И все, без исключения, уезжали с трофеями. А Федя в такие дни «благоухал» водочным перегаром.

Геннадий Петрович Мешков, при котором в тот год Селедкин состоял «ординарцем», не менее других был доволен собакой. Еще бы, находясь в лесу, ели свежее мясо. Да и Федор — мужик покладистый. Вот только «аренда» Амура иногда мешала работе — «адъютант» то пьяный, то с похмелья. В таких случаях главное — быстрее в лес, от соблазна подальше...

Вот и сегодня они с Селедкиным, в сопровождении Амура, шли с работой по маршруту.

Просеки совпадали с широкими топографическими профилями, и шагать было сравнительно легко. Амур, как обычно, под ногами не путался.

Неожиданно, метрах в пятидесяти от просеки, собака залаяла. На слух Мешков определил, что лаяла не на птицу.

— Федя, — позвал он Селедкина, который понуро брел сзади, — дай-ка ружье. Схожу прогуляюсь. Кажется, собака куницу прижала».

Высокие кочки, характерные для лесотундры, долго не позволяли рассмотреть, кого так яростно облаивает Амур. Наконец Геннадий Петрович заметил темное пятно, вокруг которого прыгала собака. Подумал: интересно, почему же куница не ушла на дерево? Сделал еще несколько шагов и опешил — за кочкой крутился небольшой медвежонок, показывая клыки и отмахиваясь лапой от наседавшей собаки. Сразу все понял. Повернулся и побежал к Селедкину, на ходу вытаскивая из патронника дробовые патроны.

— Пули, пули давай! — протянул руку к рабочему, — быстрее!

Абсолютно ничего не понимая, Федя достал из патронташа несколько пуль и сунул их Мешкову.

В этот момент лай собаки прекратился и кто-то в той стороне громко рявкнул. Послышался треск, и оба путешественника увидели на лужайке бегущего зигзагами Амура. Метрах в пяти сзади от него неслась медведица. Она явно пыталась достать собаку, но все время промахивалась.

— Петрович, дай я... — прохрипел Селедкин, вырывая ружье у Мешкова.

Собака была уже в тридцати метрах.

— Стреляй, стреляй... — шептал Геннадий Петрович, слегка подталкивая рабочего локтем. Но тот не стрелял.

Тем временем собака, не доходя до растерявшихся людей, резко отвернула и устремилась в сторону от них по широкому профилю.

Медведица, в очередной раз промахнувшись, припустила за Амуром. Все это происходило на глазах у незадачливых охотников — в непосредственной близости. Селедкин не стрелял. И только когда хорошо видимая медведица удалилась метров на семьдесят, Федька «сдуплетил».

— Упала! — закричал он истошным голосом.

Завеса, созданная дымным порохом, никак не могла ему позволить видеть результаты своей стрельбы. Остается только догадываться, почему он закричал: «Упала!»

Но вот дым рассеялся, и Мешков к своему ужасу увидел, что собака и медведица наперегонки бегут обратно к ним. «Упала... Охотник хренов!» — раздосадовано подумал он, мысленно готовясь к самому худшему. Перезаряжать ружье было поздно.

А «Амур Федорович», этот умница, опять, не доходя до людей метров пятнадцать, рванул в сторону.

Но медведица на этот раз повела себя совершенно иначе. Почуяв запах пороха, она затормозила всеми имеющимися точками и так, что затрещали кусты и полетел мох. И дальше, в мгновение ока, скрылась.

Мужики несколько секунд всматривались в густой можжевельник, куда прыгнула обиженная «мамаша».

Затем Геннадий Петрович повернулся к Федьке:

— Ты чего такой белый, — спросил и зло добавил, — недержание случилось?

— Да... самый азарт, — неопределенно ответил Селедкин, пытаясь извлечь из патронника раздутую гильзу.

Тем временем появился Амур. Морда — победителя, шерсть мокрая, но все еще воинственно торчащая, язык до земли. Посмотрел на хозяина, все понял и задрал лапу на первую попавшуюся лиственницу...

Потом, до конца сезона, Амур оставался всеобщим любимцем. Никого больше не смущал его экстерьер. Никто не смеялся над его родословной. Каждый за честь почитал поохотиться с ним. А вот Феде Селедкину доставалось...

* * *

Впоследствии, мы с большим сожалением узнали, что Амура украли. В поезде, на котором Селедкин, будучи безобразно пьян, возвращался с полевых работ с жалкими остатками заработанных денег. Видимо, кому-то проболтался о достоинствах собаки. Воистину, как в поговорке: «Жену и собаку не хвали...»

Поэтический уголок

ОЛЬГА ФОКИНА,
член СП России

«ПЛАКАЛА САША, КАК ЛЕС ВЫРУБАЛИ...»

«Плакала Саша, как лес вырубали...» — Н. А. Некрасов стал, в раннем еще детстве, моим любимым поэтом, может быть, из-за этого стихотворения. Северный лес — второй дом моих предков, и я унаследовала неизбывную любовь к его елкам и соснам, березам и осинам, к его грибам и ягодам, белым мхам и живописным пейзажам. Почти о каждом дереве у меня написано не по одному стихотворению, но это — такая малость по сравнению с тем, что дарил мне лес: достоинство и крепость духа и тела, величественную красоту и таинственность, доступность и непостижимость музыкального шума его вершин...

«Здравствуй, лес! В твоем Колонном зале не был я давно», — эти слова поэта-сибиряка Василия Федорова каждый раз при встрече с лесом вспыхивают в моем сознании.

И так больно видеть нарушенными понапрасну его вековые «колонны»: ...пихту у дороги — мешала нетрудовому трактористу — спихнул красавицу и расщепил гусеницами трактора ее душистое тело...

... сосну из бора — срубленную ради нескольких веток для помела...

... березу — из-за листьев для козы...

... старую черемуху — из-за созревших ягод...

Но это — мелочи, скажет читатель. Может быть. Но крупное начинается — с мелочей. В том числе — и преступление человека перед природой. Вот почему я искренне поздравляю создателей «Таежных троп» с их прекрасным начинанием — созданием альманаха, рассказывающего о жизни леса, природы и тех людей, что оберегают лесное хозяйство Вологодчины от разорения.

Ольга ФОКИНА

Я в лес ушла — от матери украдкой,
Тайком от все её: «куда, зачем» —
Не как обычно — с ручкой и тетрадкой, —
А с фотоаппаратом на плече.
Мечталось мне под утреннюю свежесть
Украсть озер таинственную гладь,
Родных берез лепечущую нежность,
Чтоб никогда о них не тосковать,
Чтоб уезжать от них без сожаленья,
Чтоб стать, как ветер, вольной и пустой,
И золотые искры вдохновенья
Чтоб вызывать другою красотой...
За шагом шаг — по чащам без дороги,
За кадром кадр... Озябшие в росе,
Мох отогрел мои босые ноги, —
За кадром кадр... и пленки вышли все.
И аппарат в досаде молчаливой
Сверкнул глазком бессильно и повис.
...А золотые сосны горделиво
передо мною в небо вознеслись.
Нет, торжества такого не украсть мне!
В коробке темной — нет, не утаить!
...Й елочка с насмешливым участьем
поворошила волосы мои.

Ольга ФОКИНА

* * *

«Я пойду, пойду погуляю,
Белую березу заломаю...»
Из песни.

Ты по лесу не похаживай
С топорищем за ремнем.
Ствол еловый не поглаживай
Вслед ладони — топором.
Разбежится эхо по лесу —
Из-за срубленной одной.
Каждой елке станет боязно
Пред погладившим — тобой.
В ломовую силу верящий,
О душе не забывай:
Не топчи веселых вербушек,
Ольховинок не сминай.
Зря березку не заламывай:
Ты заломишь, а она
После стужи зацвела бы в май.
Столь юна, да столь стройна,
Что довольно было взгляда бы
На ее красу да бель,
Чтоб исправиться — горбатому
Старцу — вспомнить колыбель.
...Не пекись о пользе-прибыли
В соучастьи топора!
Не хочу тебе погибели,
Но хочу тебе добра.
Не сочти слова за проповедь,
Но почувствуй хоть на миг
Самого себя — тем тополем,
Что у ног твоих поник.

Ольга ФОКИНА

* * *

По апрелю поутру,
По простору-настику,
Где березы на ветру
Делают гимнастику,
По звенящему ледку
Мимо черной проруби —
В сосны, где по холодку
Птица голос пробует,
Убегу и растворюсь
В световом сиянии:
Лес и солнце, я и Русь —
Неразрывслияние.
Если вместе, — без подпор,
Без пособий — выстоим!
... Где-то точится топор
На стволы смолистые.
Назначая умирать, —
Злой, чужой, таинственный
Кто-то ставит номера
На коре у лиственниц.
С вековым запасом лет,
В двадцать — уж помечены...
Соскоблю зловещий след,
В снег зарою: нечего
Обрекать и отнимать
Жизнь, по праву сильного.
Всем судья — Природа-Мать!
У Нее — спросили ли?

Ольга ФОКИНА

* * *

Елка, срубленное дерево
(В пору сна — ее ль вина?)
В январе в тепло поверила,
На этаж вознесена.
Отряхнув сугробы с лапушек,
Потянулась всем стволом,
И узнал про елку сразу же —
Так пахнуло! — целый дом.
Так пахнуло, так повеяло
Лесом, родиной, весной,...
Елка, срубленное дерево,
Не кренясь, в ведерке стой.
Я не талой-подколодною,
Не родничной-ключевой,
Допьяна — водопроводною
Напою тебя водой.
Так согрею сердцевиночку,
Что повыступят, смелы,
Золотиночки-потиночки,
Янтарьки твоей смолы.
За твое дыханье свежее
На недолгий праздник свой
Ветки бусами увешаю,
Разноцветной мишурой.
И, затмив твои янтарики,
(Что ни склянка, то и вспых!)
Шишки, шарики, фонарики
Закачаются на них.
Не обидясь, а обрадуясь,
Словно стайке снегирей,
Ты воспримешь, как награду их,
И — отдаривать скорей:

Торопливо распеленывать
Будешь, добрая душа,
Ненаглядного, зеленого
Еленёнка-малыша,
Почку-дочку, почку-мальчика
И — еще, еще, еще, —
Словно звездочки-сигнальчики
В знак, что елке — хорошо!

... Потрясенно и растерянно,
Как над родственной судьбой,
Елка, срубленное дерево,
Я заплачу над тобой.

Ольга ФОКИНА

* * *

Разрумянился май:
Шапку, шубу — сымай!
После вьюги вчера
Вдруг сегодня — жара.
Не по дням — по часам!
Хлынул сок по усам
И зеленый пожар
По лесам побежал.
На черемуху цвет,
Как разбойник, напал!
Ароматов — букет!
Птичья гомона — шквал!
Медуницы у ив —
Утопают в меду!
И весенний разлив
Широко на виду.
На буграх золотых
Мать-и-мачеха вспых!
Ветер к дубу ветлу
Клонит — ствол ко стволу.
И привету — привет!
И вопросу — ответ!
... А вон та ива — нет,
Не оттаивает.
На веселый ивняк,
На разлив — не глядит:
У нее на корнях —
Черный камень-гранит.
Камень мохом оброс
И не чует жары,
А под камнем — мороз
Из крещенской поры...

Ольга ФОКИНА

* * *

В небе плывут журавлиные клики,
Снова она — снов основа — весна!
Кончился, кончился пост мой великий:
Весело лесу, и я не грустна!
Мастер по каплям — сиречь капельмейстер —
Солнечной музыки выплеснул шквал.
Ветер приносит хорошие вести,
Ну, а уж он-то везде побывал.
Верю я ветру! Любая погода
Нынче имеет на лучшее шанс!
Воля поступку и слову — свобода,
Каждому звуку — любой резонанс!
Кружатся головы, шаг неуверен, —
Кто под метелью в седом феврале
Был безвозвратно, казалось, потерян,
Вытаял, — вот он — опять на земле:
Лоб мудреца — и улыбка ребенка,
Тяжесть веков — и пушинка цветка
Сквозь ледяные бинты-полотенца,
Из-под вспотевшего снеговика.
Лесе мой милый! Журавлик высокий!
Бабочки яркий живой лепесток!
Вашей весны наступившие сроки —
И для меня — возрождения срок.

Ольга ФОКИНА

* * *

Отцвела и отплодоносила,
И листвой усеяла газон,
И сегодня никакая сила
Не прервет ее осенний сон.
И пускай дубы еще зелены,
И пускай осины, тополя
Вправо-влево ветру бьют поклоны,
Медь соря и золото суля,
Чтоб продлилась летняя отрада,
Отдалилась зимняя метель,
Ей не надо летнего наряда:
Детки-ветки с листьями теперь.
Каждый листик будущий — апрельский,
Майский, клейкий, клювистый птенец
Ублажен в качалке-колыбельке,
Почка-точка. Кой-чему конец.
Никаких отсрочек не просила:
Отставать от сроков — не резон,
Отцвела и отплодоносила,
И листвой усеяла газон.
Жизнь: то заморозит, то растает.
Днесь — зерно и почка, завтра — злак.
Корешок из точки — запятая,
Всход — вопроса, злак — восторга — знак!
И опять сложилось предложенье —
Для поэмы новая строка,
Бесконечной жизни продолженье,
Из веков сходеночка в века.
Все прекрасно, ясно, мудро, просто:
Корни — в почве, ветви — в синеве,
Стройный стебель-остов — под берестом.
Кольца лет вкруг сердца. Лист в траве...

Ольга ФОКИНА

* * *

Уже июнь — за половину:
Кругом светло и зелено!
Что ж не цветешь, в саду малина?
Лесная — в завязях давно!
Длиной гордясь, листвой кудрявясь,
Происхожденьем возносясь,
Скупишься ль тратиться на завязь,
Иль над тобой — не вёсен власть?
Просеян, выхолен заране,
За многоверстье привезен,
Случайным камнем не поранит
Твой нежный корень чернозем.
Ты в злую засуху — полита!
Ты в наводненье — не мокра!
Дворянка, ясочка, элита
С многоэтажным пра-пра-пра,
Стоишь — задумалась... о чем-бы?
Листком — щупком — не шевельнешь.
... А над лесной малиной — пчелы,
Не разбери-пойми галдеж!
Ты — при заборе, ты — при тыне,
Твой стан — к тычинке пояском!
... Без пояска лесная стынет
Под остропёрым сиверком.
И косарём по ней — прохожий!
И утюгом по ней — Медведь!
И град — сечет! И зной — корежит!
И — хмель-вьюнка над стеблем плеть...
Не привыкать: одолевает!
Пока ты томно смотришь ниц,
Она костром заалевает
Для всех: людей, зверей и птиц.

Ольга ФОКИНА

* * *

Первые грибочки —
Колосовики,
Дочкин да сыночкин
Смех из-за реки.
На том на Кокуе,
На белом бору
Малыши, ликуя,
Губины берут.
Еще младо лето —
Чуть ли не весна:
Зноем не задета
Ширь-голубизна.
Громко утки крячут,
Ружей не боясь,
В незабудки прячась,
Расцветает грязь.
Около болотца,
Ниже родника,
Комаров толчется
Куча-толока.
То ли у них спевка,
То ли у них — хор,
То ль о всходах хлеба
Древний разговор?
Быть ли ржи высокой —
верили отцы, —
Ведают задолго
Эти толкунцы...
Не пашу я поле,
Не ращу я рожь,
Но шепчу невольно:
— Будет хлеб хорош!
Далеко с угора

Видится окрест:
Поле, луг, озера,
Опояской — лес.
Птичка-невеличка
С милым голоском,
Цветик-земляничка,
Ягодка — потом.
Прелести природы —
Воздух да вода, —
Дай бог, не на годы,
Дай бог, навсегда:
Первые грибочки —
Колосовики,
Дочкин да сыночкин
Смех из-за реки...

Ольга ФОКИНА

* * *

А на болоте нынче людно:
Морошка зреет — понимай!
И чей-то тенор: «Люба! Люба-а-а!» —
Из глуби в глубь, из края в край.
Ему ответа — никакого!
Но тем тревожней и родней
Из края в край, опять и снова:
— Ау, Любаша! Люба, эй! —
... А на болоте нынче — жарко,
И где, в былые годы, — топь,
Не встретишь выступа-подарка,
Смочить сухие губы чтоб.
Одно спасенье — горсть морошин!
... Но то ли поздно я пришла,
То ли моя морошка позже
Иль раньше чьей-то отцвела,
То ль все другие — сноровистей,
Но мой удел сегодня плох:
В мои ладони — только листья,
И мне под ноги — только мох.
А зной звенит! И так мне худо...
Вкривь-вкось болотный плюш крою, —
Пустым-пуста моя посуда,
Болота я не узнаю.
Бывало, склонишься над кочкой,
А там — как слитков золотых,
И грудами, и в одиночку —
Морошин, солнцем налитых.
Берешь... а дальше — видит око —
Еще зрелей! Еще крупней!
А нынче что? — Одна морока:
Морошин больше, иль людей?
Со лба испарину стирая,
Я запоздало поняла:
Болото в центре выгорает

Под палом полудня дотла.
И за удачей надо — в глуби,
От места лобного — в тенек,
Где, может быть, искомой Любе
Попался ягодный пенек.
Свалилась, может, божья милость!
И, чтобы прочих не привлечь,
Любаша наша затаилась.
И на «ау» — ни звука встречь.
Туда, туда! — Как из столичных
Тянет — в просторы деревень!
Туда — в багульник, в голубичник,
Под прохладительную сень!
... Но так в багульнике угарно,
Что раем кажется сосняк,
А в сосняке многокомарном
Уже и листья не гостят,
Не то что ягоды...
Но хлюпать
Вдруг начинает под ногой!
Склонюсь — испить... А рядом: — «Люба!»
И встречь, как выдох: — «Дорогой...»
На мхах настояна водица
Нельзя сказать, чтобы вкусна,
Но я не смею распрямиться,
Я на поклон — обречена,
Чтоб не увидеть и не сглазить,
И, обнаружась, не спугнуть
Двоих взаимное согласье,
Двоих, возможно, общий путь.
Не оскорбив минуты святость,
В никто, в ничто и в никуда,
Отворотясь или попятясь,
Мне надо сгинуть — без следа,
Пока златые сосен трубы
И скрипок-елочек толпа
Аранжируют соло: «Люба!»
В оркестроемкое: «Люба...»

Ольга ФОКИНА

* * *

Стая уток на реке
Плавает, ныряет,
Я, с корзинкой на руке,
Подступаю с краю.
От внезапности такой
Враз остолбенели:
Я — под ивой над рекой,
Утки — возле мели.
Но недолго длилась та
Столбняка минута.
Я шагнула из куста —
Утки взмыли круто!
И срисована навек
Для души картинка:
По-над речкой — человек,
На руке — корзинка.
А над ивовым кустом —
Нитка диких уток.
... О «поэзии в простом»:
Тут она как будто?

Андрей ВАРЮХИЧЕВ,
член СЖ России

Скованы одной цепью

Два коллектива, которые не всегда понимают друг друга, но жить без леса не могут.

Совсем не случайно командировочные пути-дороги занесли меня вместе с работниками управления лесами Вологодской области на Кадуйскую землю. Здесь, в мехлесхозе, сложилась совсем непростая ситуация на Кадуйской лесной машинно-мелиоративной станции (ЛММС). Вроде бы и год завершили с плюсом, и без серьезных денежных дотаций, что сегодня слышится уже в диковинку, обошлись. Но наступил год новый — 1995-й. И сразу всем стало ясно, что хозрасчетному формированию в одиночку сегодня не выкарабкаться. Слишком уж силен пресс налогов, что давит хоть и на башковитую, но не всемогущую голову Николая Николаевича Тарасова.

Сразу поясню, Тарасов для ЛММС — лицо не постороннее. Здесь он — директор, человек главный, от решений которого зависит завтрашний день всего коллектива. Который, к слову сказать, не мал. Тридцать два человека трудятся на Кадуйской мелиоративной.

— Только слово это «мелиорация», боюсь, скоро многие из них позабудут, — в сердцах говорит мне, рассказывая о житье-бытье коллектива, Николай Николаевич. — Хозрасчетные отношения вынуждают нас уже сейчас вести поиск наиболее выгодных заказов. Вот мы и думаем, на какую работу завтра нам с финансовой точки зрения выгоднее отправиться, — мелиорацией для мехлесхоза за копейки заниматься, или же дорожные работы вести для очередного «дядьки-толстосума».

Поймите меня правильно, я сам специалист лесного хозяйства, лишь три месяца назад перешел сюда, на новое место. И потому

мне не чужды лесные проблемы, но теперь я в первую очередь все-таки вынужден думать о своем коллективе: что нужно делать, чтобы ЛММС выжила, чтобы завтра не объявили нас банкротами, коллектив разогнали, а технику всю пустили с молотка.

— И много у вас этой техники, Николай Николаевич? Поди жируете... — пытаюсь полушутливым тоном хоть немножко сбить накал в разговоре с моим собеседником.

— Да какое там жируем, — сквозь силу улыбается Тарасов. — Может кого-то изрядное наличие техники и может сбить с толку, но нужно видеть еще — эту технику. Последний раз что-то новое мы получали лет пять назад, так что прикидывайте и делайте соответствующие выводы. Благо еще, что не перевелись умельцы — золотые руки на земле нашей. Потому и говорю не без гордости, что пока все четыре экскаватора и бульдозера, пять самосвалов, «кировец» с треллером, — все на ходу. Только смогу ли я это подтвердить завтра?

— И какой вам видится выход?

— Всякому ясно, что в одиночку Кадуйской ЛММС не выжить. Это с одной стороны. С другой — более половины площадей нашего мехлесхоза остро нуждаются в проведении мелиоративных работ. Это факт. Так почему бы нам не объединиться?

Сразу видно, что Тарасов — хозяин хитрый, себе на уме. Таким и должен, наверное, сегодня быть руководитель, желающий оставить шанс в завтрашней жизни своему коллективу. Видно поэтому он не упомянул еще об одном очевидном преимуществе такого объединения — снижении налогообложения коллектива, попадающего в бюджетную сферу...

— Ну это уж он точно в голове не раз просчитал, — позже убеждали меня многие оппоненты Тарасова в мехлесхозе.

Одна из них, Валентина Ивановна Никитина, — инженер лесного хозяйства, как считают многие в коллективе, без пяти минут главный лесничий.

Так вот, Никитина не скрывает, что видит завтра ЛММС — только хозрасчетным формированием.

— Нам эта лишняя обуза совсем не нужна, — утверждает Валентина Ивановна, — ну представьте только: два коллектива под одной крышей. Сразу возникнет вопрос кадров. Многих придется сократить. Начнутся дрязги, споры... С другой стороны, мы всегда готовы использовать ЛММС на подготовке почвы, на

строительстве и ремонте дорог. Этого же никто не отрицает — без дела они не останутся. Но, конечно, и самим хозрасчетникам с поиском заказов попотеть придется.

И надо признать, что мнение Никитиной разделяют многие в Кадуйском мехлесхозе. Это и понятно. Авторитет у Валентины Ивановны не малый. Как, впрочем, и стаж работы в лесном хозяйстве — девятнадцатый год, следующий — юбилейный...

Это только в книжках пишется, что в лесничие идут исключительно по велению сердца. Впрочем, такой поворот я тоже не исключаю. Но приемлем он к парням и девушкам, с детства срастающим с лесом «своими корнями». А как быть с городской девчонкой, которая, что называется, в трех соснах путается?.. Именно такой и была наша героиня, Валя Никитина, когда, не поступив по конкурсу в гуманитарный ВУЗ, пришла в Тотемский лесной техникум. И тут уж никак не скажешь: «по велению сердца», — родственник преподавал, он и подсказал, дескать, приезжай к нам, не пожалеешь. А вышло — лучше не придумаешь!

С этих самых годов учебы в техникуме и стала Валя оживать, забывать свои прежние житейские неурядицы, а еще, — к лесу душой прикипать. И не смутили ее первые испытания: дни практики в лесах Междуречья, где в хлюпких резиновых сапожках под свист одичавших комаров приходилось ежедневно отмеривать десятки километров. А потом плакать, рассматривая первые рабочие волдыри на ногах. Многие тогда думали, что все, — кончилась лесная «эпопея» городской девчушки. Ан нет, она-то, гляди, назло всем!, с характером оказалась. И техникум закончила, и Архангельский лесотехнический институт одолела.

— За прошедшие годы многие леса перевидела, — вспоминает Никитина, — начинала-то я в свое время еще техником-лесоводом, это позже уже лесничим стала. Первое мое назначение случилось в Костромской области, затем ждал Вологодский мехлесхоз, позже — Кадуйский... И знаете, везде мне нравилось, потому что окружали меня всегда добрые, отзывчивые люди. К тому же, всегда находился высококлассный специалист, готовый прийти на помощь.

И сегодня в мехлесхозе, по словам все той же Никитиной, такие умудренные специалисты имеются. Того же Владислава Васильевича Сидорова, лесничего Андогского лесничества, совсем незадолго до нашего приезда чествовали прямо в кабинете

у директора лесхоза. По случаю не праздному. Тридцать лет он верой и правдой отработал в Кадуйском мехлесхозе. Таким и похвастаться не стыдно!

— А вообще у нас сейчас практически нет острой проблемы с кадрами во всех пяти лесничествах мехлесхоза, — уверена Валентина Ивановна. — Одно огорчает — финансовые проблемы. Низкие ставки работников лесного хозяйства боком ударяют по многим лесничествам. Молодежь все хуже закрепляется на местах, а значит, приоритет остается за такими, как Владислав Васильевич Сидоров, который уже без леса и жить-то не может.

— И что, совсем руки опустились?

— Ну почему же, нельзя сказать, что мы сидим и ждем у моря погоду. Раз нам «не доплачивает» федеральная служба, ищем свои пути решения финансовых проблем. Уже передали ряд лесных массивов в аренду солидным организациям. Таким, как Кадуйский лесопромышленный комбинат, Белозерский леспромхоз. Не забываем и об мелких лесозаготовках. Но делаем и собственные заготовки древесины. Правда, небольшие. В этом году даже план в пять тысяч шестьсот кубов ликвидной древесины не додали. Техника у нас все-таки старовата. Да и других дел у тех же лесников предостаточно. Им не разорваться. Недавно, например, в Кадуйском лесничестве обратили внимание на усыхание лесов за Череповецкой ГРЭС. В этом году будем более конкретно определять площадь усыхания, а потом — делать дальнейшие выводы.

Моя собеседница делает небольшую паузу, что-то ищет среди прочих бумаг на своем столе, пока не извлекает на свет одну из них.

— Вот, полюбуйтесь, что мы еще надумали. Это — материально-денежная оценка одной из делянок, на которой произрастает береза, Андогского лесничества. Делянку эту мы выставляем на продажу в аренду на аукцион наряду с четырьмя другими. Делаем это впервые, опираясь на опыт наших владимирских коллег. Не знаем, что получится в конечном итоге, но пока все складывается, вроде бы, неплохо. Не успели поместить объявление в местную газету, как нашлись покупатели. Причем, сразу два — Череповецкая ГРЭС и ТОО «Промстройбизнес». С этими организациями мы уже готовы работать...

Нет, что ни говори, в деловой хватке Никитиной не откажешь. Да и житейский опыт — дело не шуточное. Так вот, исходя из этого самого житейского опыта, Валентина Ивановна мне и сказала при расставании:

— А на счет ЛММС вы не волнуйтесь. Без мелиорации нам нельзя. И это понимают не только в мехлесхозе, но и наша районная администрация, так что никто не даст погибнуть «тарасовцам»...

Позже, уже после беседы с представителем Кадуйской администрации, курирующим лесной комплекс, трясясь в микроавтобусе и едва различая во вьюжистой ночи встречные огни машин, под ровно-тусклым огоньком лампочки внутреннего освещения, я еще и еще раз перечитывал официальный ответ Кадуйской администрации на запрос управления лесами Вологодской области, который гласил: «О реорганизации Кадуйской ЛММС». В нем, в частности, говорилось, что администрация района относится к объединению ЛММС с лесхозом отрицательно (Никитина не ошиблась!). Приводились и доводы: резко возрастет нагрузка на мехлесхоз помимо выполнения прямых обязанностей, связанных с охраной и воспроизводством лесов; в руках лесхоза, в случае объединения, сосредотачиваются функции исполнителя, приемки и контроля работ, что создает возможность для злоупотреблений и неизбежно вызовет снижение качества работ (и это предрекала Никитина!); администрация района нацелена на объединение всех лесов в единый гослесфонд и создание лесной охраны, занимающейся только своими прямыми обязанностями.

Не забыли и о рабочих ЛММС (вспомним житейскую мудрость все той же Никитиной!..) — их предложено использовать на выполнении лесохозяйственных, лесокультурных и противопожарных мероприятиях, не только в лесхозах, но и у арендаторов лесов (в районе в аренду передано более 40 процентов лесов). Высказано ряд других предложений, «нацеленных» на выживание коллектива ЛММС.

Как говорится, дай-то Бог, чтобы завтра первые головы района не забыли о своих дельных предложениях. И главное, чтобы данный план сработал, ну если не на все сто, то хотя бы на все уже твердые восемьдесят процентов. Тогда и толк будет.

КАДУЙ — ВОЛОГДА

Георгий САВЧУК

Иваново притяжение

... Жить бы да поживать ему в своем селе, с родителями, на берегу рыбной реки Збруч, трудиться бы лесничим. Тем паче, что на Украине работа эта в почете. Да и доходная. Но нет, когда в 1968 году приехали в Кременецкий лесотехнический техникум «купцы» со всего Союза за молодыми специалистами — выбрал Иван Иванович Оленюк Вологду, Северное лесоустроительное предприятие.

... С тех пор утекло много воды. В 1972 году из поселка Ленино Крымской области привез Иван молодую-зеленую жену Люду. И брак регистрировать пришлось там, в сельсовете, потому, что в Вологде, в ЗАГСе, велели бы годик подождать. По возрасту в жены не подходила Людмила Владимировна. Но очень любили они друг друга и не желали ждать. При помощи родственников уговорили председателя сельсовета пойти на уступки. И не разу не пожалели об этом. Два сына, Игорь и Сережа, достаток и благополучие, — таков результат их брака. А бывало порой ох как трудно: не так легко одной поднимать двух сыновей. Но что удивительно: ни разу всерьез Людмила не укоряла мужа за его профессиональный выбор. Стойко несла свой нелегкий бабий крест.

... Двадцать семь полевых сезонов за плечами у Ивана Оленюка. И тысячи километров исхоженных маршрутов. Командировок — из каждого года ровно половина...

Начинал он техником-помощником таксатора. Работа, на первый взгляд, монотонная. Нужно организовать прорубку и прочистку просек и визиров, промерять их и расставить надежные лесоустроительные знаки. Одновременно с промером просеки опознавали и точно наносили на аэрофотоснимки. Попутно велся журнал промера, где указывались точные расстояния («привязки»)

до всевозможных ориентиров, границ выделов и давалась краткая таксационная характеристика этих выделов. Потом все материалы передавались таксаторам для дальнейшей работы.

Но недолго Иван Иванович служил техником. Начальство заметило его профессиональные задатки и через два года стал он инженером-таксатором, а потом — и старшим инженером.

Круг обязанностей расширился. Теперь, кроме контроля работы, выполняемой техником и рабочими, он производил таксацию лесных выделов. Нужно было определить состав древостоя, среднюю высоту и диаметр, запас и целый ряд других таксационных характеристик. Описанию подлежали и нелесные площади (болота, сенокосы, карьеры...).

Значительно увеличилась ответственность при работе с аэрофотоснимками. Используя принцип стереоэффекта, при помощи стереоскопа, разграничивал он участки (выделы) по визуальным и другим признакам в пределах кварталов. От качества этой работы зависело очень многое. Оплошности были чреваты искажениями площадей выделов, что, в итоге, могло выразиться в ошибках по запасу, составу и возрасту древостоев.

Значительно возросли нагрузки и на камеральных работах. В обязанности инженера входило передавать готовые таксационные описания (итоговые результаты повыдельной таксации в пределах кварталов) в вычислительный центр, составить целый ряд лесохозяйственных ведомостей, написать Проект организации и развития лесного хозяйства устроенного лесничества. Но «камералка» — почти канцелярский труд. Дом рядом. Чистая постель, баня и все такое другое, принятое в нормальном обиходе...

На полевых же работах все удобства остались на первобытном уровне. Палатка, спальный мешок, рюкзак и болотные сапоги. А еще, видавшая виды, неизменная «энцефалитка». Само-собой топор, ружье, кастрюли-котелки и много другой всякой всячины.

— Если бы подсчитать, сколько пройдено километров и сколько перетаскано в рюкзаке, — смеется Иван Иванович, то можно заявляться в книгу рекордов Гиннесса.

Прошу рассказать о «географии странствий» и припомнить какие-нибудь неординарные случаи.

Оказывается, «истопал» Иван Иванович всю таежную зону Европейского Севера. От тундры до юга Вологодской области, от Онежского озера до седого Урала. С рюкзаком и ружьишком.

— Было всякое. И тонуть приходилось, и гореть, и голодать, — вспоминает он и продолжает свой рассказ. — А один раз пришлось крепко испугаться. Случилось это в Усть Куломе, в Коми республике. В три часа ночи возвращались мы с начальником партии из штаба экспедиции. Ехали в Кебаньёль. Он сам вел УАЗик. И тут, в самый последний момент, я понял, что начальник уснул за рулем. Автомашину повело вправо, к обрыву. Я закричал и начал его тормошить. Он успел-таки проснуться и отреагировать в самый последний момент. УАЗик остановился. Но таким образом, что переднее правое колесо повисло над обрывом. Начальник попытался вылезти, но машина накренилась, норовя кувырнуться вниз. Так и пришлось ему сидеть, пока я не привел помощь. Прыгать довелось прямо по крапиве — если бы с машиной «улетели», то метров на двенадцать вниз. А там нас «поджидала» добротно срубленная баня, — разбились бы вдребезги.

Иван Иванович задумался.

— Непосредственно в лесу тоже бывало всякое. Очень переживал, когда приходилось разыскивать пропавших рабочих. Не удивляйтесь, но такое случалось. Экспедиционные условия все-таки. Так что труд в тайге — это постоянные опасности. И очень важно добиться от рабочих строгого выполнения Правил техники безопасности. Было ведь и такое, когда палатка под землю могла провалиться. Это в местах с интенсивными карстовыми проявлениями, где известняки вымывались грунтовыми водами и верхняя оболочка проваливалась в образовавшиеся пустоты. Или, вдруг, при сильном ветре на палатку падает огромный кедр. И только по случайности обходится без жертв.

Иван Иванович делает небольшую паузу, словно перелистывая в уме полузабытые страницы прошлого и продолжает:

— Работал в лесоустройстве ныне покойный Михаил Николаевич Ренатов. Начинал он таксатором еще в начале тридцатых годов. Так вот, он забавную историю рассказывал. Пошел Ренатов как-то с двумя рабочими пробную площадь закладывать. Только приступили, вдруг, откуда ни возмись, — медведица с двумя медвежатами. Как и все маленькие дети начали они проказничать, хватать рабочих и Михаила Николаевича за сапоги. Видимо, у них зубы резались. Он попытался оттолкнуть шалунов мерной вилкой. Те запищали. Тут же мамаша предупредительно рыкнула. Пока

инженер и рабочие неспешно, с оглядкой, ретировались, от сапог остались... галоши.

— Судя по твоему рассказу, жить и трудиться на полевых работах весьма непросто. Неужели не появлялось желания поменять работу?

— Было, — отвечает Иван Иванович. — Но только в конце полевого сезона и до первых признаков весны. Как в песне:

«... И тайга набухшими сережками,

Вновь зовет меня на край земли...»

... Подошла медицинская сестра и положила в стаканчик таблетки. Тут я прервусь, чтобы кое-что в моем рассказе пояснить. Дело в том, что моя встреча с Иваном Оленюком происходила во второй палате городской хирургии. Видя в гипсе его ногу, задаю вопрос (что случилось?), будучи уверенным в ответе, что операция ноги — результат профессионального заболевания.

— Да нет, — понимая, наконец, меня, смеется Оленюк. — Хотя, в какой-то мере, работа могла сказаться. Настоящая же причина травмы, думается, в бурной футбольной юности.

Оказывается, он был неплохим нападающим. Играл за сборную района и техникума. Когда же приехал в Вологду, пробовал свои силы в местном «Динамо». Но тяга к романтике и лесу взяла все-таки верх.

... Его сослуживцы рассказывали мне, что Иван Иванович заядлый рыбак и может поймать рыбу даже там, где она не ловится. А еще, он очень любит животных. И Людмила Владимировна не возражает, а скорее наоборот, радуется, когда в квартире появляется еще одна кошка или собака. Жалеет их.

Вот так и живут Оленюки. Он по тайге шастает, она детей в детсадике воспитывает и любит всех, как своих.

Сегодня, начальник лесоустроительной партии, Иван Иванович Оленюк уже наставник. Молодых инженеров воспитывает. Его уважают и начальство, и подчиненные. А он, даже находясь в больнице, опять с нетерпением ждет прихода весны. Ждет — не дождется, когда снова соприкоснется с тайгой. И, да простит меня его жена Люда, ибо не я его агитирую рваться душой туда, в таежные просторы, а сама матушка-природа, с которой он уже составляет единое целое и жить без которой просто не может.

Олег ЛАРИОНОВ,
член СП России

ОЧЕРК

Несдающиеся России острова...

Когда судьба забрасывает в такие отдаленные места, как Никольск, то невольно переосмысливаешь образ России. Она зримо восстает в громадной своей территории, сцементированной вот такими небольшими, но крепкими форпостами, когда-то заложенными первопроходцами и первооткрывателями, деревнями, большими и малыми, ядреными и опутевшими паутинчатой сетью зачастую непролазных дорог.

Расстояния быстро поглощает самолет «ЯК-40», взмывший из унылого гнетуще-пасмурного мира зимы в удивительную фантастическую страну, где жмуряще ярко сияет солнце, горячее, как в июле, где ослепленные неистовым светом облака внизу кажутся снежными полями и ледяными прозрачными айсбергами. А бирюзовые просветы — открывшимися весной реками и морями, полными янтаря, где нет привычной линии горизонта и вместо нее простирается вездесущий голубой океан... Если окрестности Вологды словно строго отчерчены по лекалу, в том числе и куцые островки мелколесья, то вокруг Никольска — тайга и тайга.

«ЯК» вновь ныряет в мрачно-фиолетовый, быстро проносящийся дым облаков и нащупывает землю. Здесь, на земле, снежная пурга, лютый мороз, незамысловатые покосившиеся проволочные ограждения, потонувшие в снегу, едва напоминающие о близости взлетно-посадочной полосы, а радужно-бирюзовый и перламутровый мир грез остался высоко, в шести тысячах метров над головой. Летчик, покидая кабину, прощается с пассажирами, а на его губах и в его глазах светится улыбка —

отражение небесного великолепия, очаровывающего неправдоподобия и мажора. Наверное, он чувствует себя Икаром...

Здесь, на затерянной земле, в форпостах России, особое отношение к людям, такое не встретишь в сутолоке больших городов с тысячами мимолетных, ничего не значащих встреч, бурлящим движением машин и автобусов, круговертью мелких событий, безвозвратно уносящих людское время. Здесь — иная цена человеческого общения, иная цена слова. Человек издалека здесь как бы посланец «материка», как говорят в Сибири и на Дальнем Востоке, пусть и своего, малого, вологодского. Вот так же, как и в самолете, люди, оторванные от привычной тверди, чувствуют себя в одной связке и их сближает небо, так и на просторах российских их сближает земля, холодная зимой и теплая летом. Ее привычки, ее простор, ее леса с их колдовским

ароматом, озерки и речки, вспоенные кристальной водой лесных родников и терпко настоенной травами.

Один из хозяев никольских лесных просторов, всем известный в городе Борис Васильевич Шубков, директор Никольского лесхоза. Хозяин, разумеется, не в смысле частный собственник и даже не в смысле должности, которая изначально обязывает быть таковым, а хозяин прирожденный, крепкий, которому есть дело до любой мелочи, который не может иначе.

Всего два дня я провел в лесхозе, поездил по его угодьям и однозначно пришел к выводу: наверное, благодаря только твердой руке, оптимизму, воле таких людей, как Шубков, народ получает возможность удержать свои рабочие места, а значит, надежду на жизнь. Ведь куда ни глянь совершенно невооруженным взглядом (и особенно как-то болезненно это ощущаешь в глубинке, словно ты виноват в чем-то лично!), повсюду наблюдаешь приметы пореформенного времени — всеобщий развал, деиндустриализацию, неусыпный алкоголизм, нищету...

Знакомство с лесхозом началось с конторы довольно уютного с виду двухэтажного деревянного дома, крашеного голубой краской. Впрочем, на улицах Никольска много таких домов. Дерево — материал теплый, мягкий, ручной, и где, как не здесь, знать в нем толк. Во дворе — недавно поставленные склад и отапливаемые гаражи из бруса. В них тоже куда как уютнее, чем в кирпичных или бетонных, чувствуешь себя — почти по-домашнему. Недавно полученный энергичными трудами Бориса Васильевича новенький огненно-рыжий «УАЗик» — вещь незаменимая, с этаким «конем» просторы не страшны. А всего в хозяйстве еще — «Волга», да недавно приобретенный микроавтобус на шесть мест. А вот водитель один. Экономия...

Шубков лет двадцать был в лесхозе главным механиком, технику он знает, как азбуку. Сам садится за руль. А уж сев, вростает в него, и машина мчит скоро, прикатанно как-то. Словно бы ощущая твердый нрав и уверенность ездока.

А было время, будучи механиком, Борис Васильевич и в зной, и в слякоть, и в снег тысячи километров исколесил по дорогам своего хозяйства на мотоцикле. Совестно было у начальства машину просить. Уж такой он человек. Механиком был по призванию сердца и несколько раз отказывался, когда предлагали ему возглавить лесхоз.

«Согласие дам, — сказал он, — только если коллектив меня выберет».

И его выбрали. С 1986 года он — руководитель. «Прежний-то директор, — слышал я от никольчан, — не вытянул. С людьми общался мало, а здесь без этого нельзя...»

Мужики рассказывали: приедут на какой-нибудь объект бывший директор с Шубковым, тогда еще главным механиком, а рабочие интересуются, кто директор, тот, который молчит и из машины не выйдет, или тот, который говорит много? Ну и по ошибке за начальника последнего принимали, то есть Шубкова.

Вот так и стал Борис Васильевич Шубков директором Никольского лесхоза. И в этом кресле уже десятый год. А всего в лесном хозяйстве он уже тридцать лет. Работа такая, что и за столом с цифрами, конечно, посидишь, на телефоне... Но, в основном, — постоянные разъезды. На директоре все хозяйство. Другой бы плюнул и делал работу, что называется, от сих, до сих. Но Шубков — человек совершенно иного склада.

Стоило только нам оказаться на территории участка по переработке древесины, как директору посыпались вопросы относительно техники. Он вникает, подробно разъясняет, как делать профилактические работы, текущий ремонт. Все-таки профессионал, и бывшее призвание нет-нет, да и напомнит о себе. А тут, как говорится, и карты в руки.

В здании конторы он сразу же пощупал отопительные батареи — холодноваты, надо разобраться... «Мелочь? — а ведь в первую очередь про меня, директора, скажут, что недосмотрел», — поясняет он. И так всегда. Словом, сразу видно, что хваткий он мужик. И народ Бориса Васильевича за это уважает: хваткий, а для себя хоромов не возвел, как иные начальники, а ведь мог бы, «у леса»... И такое слышал я от никольчан.

Прежде, чем отправиться с Борисом Васильевичем на мастерский участок по лесозаготовке и переработке древесины и посмотреть, как лесхоз выживает в нынешних трудных условиях, необходимо, хотя бы коротко, рассказать о лесхозе в целом и его функциях. Без этого, непосвященному читателю сложно оценить те подвижки, которые предпринимает директор.

К основным функциям лесных хозяйств относятся учет лесного фонда, охрана, защита, воспроизводство леса и отвод лесосечного фонда лесозаготовителям. Основан Никольский лесхоз

был 4 апреля 1947 года по постановлению правительства. Площадь его охватывает более полумиллиона гектаров, а если быть более точным, 508470 га. Рассчетная лесосека составляет 1 млн. 178 тысяч кубометров в год. По хвойному хозяйству — 244 тысячи кубометров. В минувшем, 1994-м году, всем лесозаготовителям выделили 680,3 тыс. кубометров древесины, реально же вырублено 260 тысяч. Выход деловой древесины по хвойному хозяйству составил 67 процентов, по лиственному — 57,3. Рассчетная лесосека использована в лесах первой и третьей группы на 22,1 процента, по хвойному хозяйству — на 26,6 процента. Всего вырублено 1182 гектара площадей.

В 1994 году, в связи с выходом в свет «Основ лесного законодательства», заключены договора на аренду лесов с Никольским и Кич.-Городецким леспромхозами, топливно-сбытовой организацией. В договорах оговорено выполнение лесохозяйственных мероприятий, в частности, выполнение лесоустроительных работ — посева, посадки. Доля Никольского и Кич.-Городецкого леспромхозов в создании лесных культур составляет 175 га, доля лесхоза — 100 га, таким образом, всего по лесхозу — 275 га.

Нынче в лесхозе занято около ста пятидесяти человек, из них 98 — на федеральном финансировании и 48 — в промышленном производстве. Это — рабочие цехов, станочники-рамщики, водители. С неработающими и пенсионерами в лесхозе сейчас 240 человек. О них хозяйство тоже не забывает.

Вопрос финансирования самый важный и самый больной, как и на всех просторах СНГ в нынешних условиях. Концепция финансирования расходов на охрану лесных ресурсов была зафиксирована в протоколе по итогам совещания у первого заместителя руководителя Федеральной службы лесного хозяйства России. Участниками совещания был поддержан порядок финансирования по следующему варианту: основной источник — средства федерального бюджета, дополнительный — собственные средства, отчисления от лесных податей, арендной платы, лесных торгов, услуг сторонним организациям, часть прибыли от переработки древесины, от рубок ухода.

Приоритетность расходов определена следующая. Федеральный бюджет: содержание органов государственного управления лесным хозяйством (включая лесную охрану); авиационная и

наземная охрана лесов от пожаров; защита лесов от вредителей и болезней; селекция и семеноводство; содержание государственных природных национальных парков, лесоустройство и лесной мониторинг; подготовка и переподготовка кадров; социально-бытовая инфраструктура; лесовыращивание на овражно-балочных землях; научное обеспечение сугубо прикладного характера; уход за молодняками.

Дополнительные средства: лесомелиорация и дорожное строительство; лесовосстановление, полезащитное лесоразведение; рубки ухода за лесом (ликвид), включая рубки переформирования. За основу планирования объемных показателей лесохозяйственной деятельности решено принимать лесоустроительный проект. Планирование объемов работ и финансирование определено осуществлять раздельно по источникам.

В лесхозе освидетельствование вырубок 1993 года проводилось в июне-июле 1994 года. Во время таких проверок делаются заключения по нарушению правил лесопользования и правил пожарной безопасности. За определенные виды нарушений взымаются штрафы. Например, высокие пеньки, беспорядочно брошенная древесина, самовольная рубка. Всего лесхоз по лесофонду 1993 года предъявил неустоек на сумму свыше 94 млн. рублей.

В году нынешнем финансирования из федерального бюджета для лесхоза будет явно недостаточно. Поэтому в лесхозе на 1995 год планируют «взять» из местного бюджета 54 млн. рублей, а 46 млн. рублей получить из собственных источников: от рубок ухода (8 тысяч кубометров ликвидов), от услуг техники и лошадей, предоставляемых на сторону, а также из такого источника, как реализация саженцев. В лесхозе имеется их резерв на случай неурожая. Однако потребителей посадочного материала не так уж и много. В 1994 году его продали на сумму всего лишь в 860 тысяч рублей.

Что касается доходов от переработки древесины, то здесь разговор особый.

— Большой выгоды от промышленной переработки для нас нет, — считает Борис Васильевич Шубков и поясняет, — пока мы спускаемся по скользкому крутому берегу реки Юг, направляясь на мастерский участок. — Электроэнергия, материалы, запчасти, — все дорого. Строительство также неимоверно воздорожало и повсеместно сворачивается. Если никольский леспромхоз в

старые годы заготовлял 500-600 тысяч кубометров древесины в год, то в 1994-м — всего лишь 180 тысяч кубометров. Предприятий-заказчиков нынче единицы. Основной потребитель леса — частник. И лес идет через этого частника — в Москву, Вологду, реже — в Санкт-Петербург. Мне же напрямую продавать туда лес нет резона — громадные транспортные расходы, да и налогами задавят. «Камаз» до Москвы два миллиона тянет. Частник же в более выгодном положении и потому имееет на лесе свой барыш.

Многие лесхозы уже отказались от промышленной переработки древесины — лишняя обуза в нынешних условиях. И цеха остановились. Но представим: выделю я мастерский участок отдельной структурой — да он тут же перестанет существовать. Сырье станет получать неоткуда, люди пойдут на улицу, а в городе — и так безработица, предприятия на ладан дышат, развал, — размышляет Борис Васильевич. — Людей в первую очередь жалко. Они на любую работу согласны, знаю, да нет ее теперь, работы...

Действительно, люди согласны на любую работу, в этом я сам убедился. Работа на участке тяжелая, а получают за нее — смешно сказать — тысяч по сто. Но и этому рады. А цены в Никольске, как теперь и в любой глубинке, выше, чем в центре. Здоровому же мужику, чтоб поесть, да еще и не досыта в столовой, тысяч пять надо. Впрочем, и столовые-то теперь позакрывались...

На мастерском участке сейчас две пилорамы, третья, хоть и исчерпала себя (по ресурсу), но еще держится, работает; несколько станков, недавно купили новый для четырехсторонней обработки бревен за 16 миллионов рублей, помещение для него оборудовали. Изготовляют обрезной и необрезной материал, наружную обшивку, штакетник. Древесина поступает от рубок ухода, которые в лесхозе шутя называют «рубками похода». Основные лесозаготовители по круглому лесу — Никольский и Кич.-Городецкий леспромхозы, топливно-сбытовая организация, межхозяйственный лесхоз и ряд колхозов.

За 1994 года участок произвел 280 кубометров необрезных материалов, 1504 кубометров обрезных, 455 кубометров наружной обшивки (вагонки), 87 кубометров штакетника. В основном продукция вывозится за пределы района. Товарной продукции по 1994 году произвели на сумму около 125 миллионов рублей.

Мастерский участок позволяет лесхозу поправить свое положение со строительством и ремонтом. Многие годы жилой фонд, производственные помещения в лесхозе не обновлялись, пришли в ветхость. А тут, некстати, подошло нынешнее время, когда неимоверно сложно заниматься строительством.

И все-таки, несмотря на тяжелое финансовое положение, лесхоз производит ряд строительных работ: построена и сдана в эксплуатацию контора в Андогском лесничестве, строится контора в Унженском, два одноквартирных жилых дома для лесничего и мастера (а это ключевые фигуры в лесничествах), строится гараж на три места в Завражском лесничестве, жилой одноквартирный дом в Никольске. Все объекты финансировались за счет поступлений на внебюджетный фонд. Возглавляет строительство прораб Александр Семенович Парфенов. На нем и контроль, и обеспечение стройматериалами.

С директором лесхоза и старшим мастером участка Василием Ивановичем Костоусовым мы прошли чуть дальше, к лесу. Там расчищена площадь около четырех гектаров, заложены фундаменты. Еще недавно здесь планировалось построить новый мастерский участок, современно оснащенный в соответствии с веяниями времени. Уже закупили пару лет назад два финских ангара, околорамное оборудование, сбрасыватель бревен, бревнотаску, определили место для гаражей. Но в связи с переменами, которые произошли в экономике страны, все это дорогостоящее оборудование оказалось ненужным. Теперь о новом строительстве и речи быть не может: нет средств, а главное, нет смысла. Сохранить бы старый, деревянный участок, сохранить бы имеющиеся места!..

А люди остаются всему основой. Костяк — старые работники, но и молодежи хватает. Борис Васильевич Шубков рассказывал о многих подробно. Большой вклад в развитие хозяйства внесли и вносят лесничий Андогского лесничества Иван Юрьевич Мартынев, лесничий Завражского лесничества Юрий Александрович Заварин, лесничий Умжунского лесничества Владимир Александрович Бороздин. В лесхозе постоянно проводится техническая учеба с лесниками, мастерами, большую активность в ней проявляют Ангелина Николаевна Владимирова, инженер лесного хозяйства, главный лесничий Сергей Дмитриевич Анфалов, инженер охраны и защиты леса Анна Александровна Вершинина.

Особо здесь нужно сказать об инженере лесного хозяйства А. Н. Владимировой. В лесхозе она с 1954 года, уже сорок лет и, будучи на пенсии, продолжает работать. Начинала — помощником лесничего Полежаевского лесничества, затем была лесничим Северного, Шаршенгского лесничества, с 1966 года — инженер охраны и защиты леса, с 1967 года — инженер лесного хозяйства. За сорок лет работы на разных должностях Ангелина Николаевна накопила богатый опыт в ведении лесного хозяйства, стала высококвалифицированным специалистом и щедро передает свой опыт, активно участвует в организации и проведении учебы, семинаров, совещаний, связанных с лесом и его проблемами.

* * *

По утру огненно-рыжий «УАЗик» уже бежит в Дунилово, где расположена контора Андогского лесничества — недавно построенный по типовому проекту домик, удачно вписывающийся в подступающие лесные массивы. От Никольска до Дунилова 37 километров. По пути встретились два груженых лесовоза — лесной все же край Никольский, а из легковых — один старенький «ВАЗ». Невольно возникает ассоциация: от Вологды до Сокола примерно такое же расстояние, и машины в ту и другую сторону снуют почти потоком. Говорю это к тому, чтобы подчеркнуть, какие большие площади в лесхозе. А ведь Андогское лесничество — одно из семи и одно из самых маленьких...

Лесничим здесь, с 1967 года, Иван Юрьевич Мартынев, хороший организатор, опытный работник.

В 1992 году в структуре управления лесным хозяйством произошли изменения. Если раньше в Никольском лесхозе было 68 лесников, то теперь их лишь 18, и именуются они не лесниками, а государственными инспекторами. Государственный инспектор не имеет права дополнительно работать в лесхозе по найму, как это мог делать лесничий; в его задачи входят контроль за правилами лесопользования, соблюдением правил пожарной безопасности, а также охрана от самовольных рубок. Раньше на лесника (ныне инспектора) приходилось от пяти до девяти тысяч гектаров лесов, теперь — 25-30 тысяч гектаров.

Конечно, лесничества разные, и туда, где интенсивность рубки выше, направляется и большее число инспекторов. В результате нововведений выделена еще одна профессия — лесовод, по-существу тот же рабочий. Основная причина таких преобразова-

ний — финансовая, недостаток у государства средств на содержание штата работников лесного хозяйства.

Хозяйство Ивана Юрьевича на фоне других хоть и не самое большое, но, пожалуй, самое хлопотное. На территории Андогского лесничества расположены два сельсовета, два колхоза, восемь населенных пунктов в одном только сельсовете. Раньше здесь заготовка леса велась в крупных масштабах, по 2,5-3 тысячи кубометров за квартал. Но тогда не было такого воровства, как сейчас. Никольскому и Андогскому лесничествам в этом отношении сложнее.

— Плотность населения выше, — поясняет Иван Юрьевич, — горим чаще, самовольной рубки больше. Это тем более обидно, что места у нас на заглядение — боры-то какие!..

Да, лес, к сожалению, похищают, не без этого. К примеру, выпишет какой-нибудь житель положенное по льготной цене количество леса для ремонта дома, а вырубит в несколько раз больше, да еще того гляди и не в отведенных местах. А сам «бизнесом» занимается, краденным лесом приторговывает... Что и говорить, много энергии у Ивана Юрьевича уходит на таких горе-бизнесменов. А всей техники на лесничество — трелёвочный и колесный трактора, да «король дорог» — «ЗИЛ-157». По лесничеству все больше пешочком топаешь.

С отсечением очагов пожаров приходится чаще всего справляться своими силами, но иногда здесь приходит на помощь харовская авиация, десант. Впрочем, дел в лесничестве все время невпроворот. Зарплата же мизерная: у лесничего без учета коэффициента — 114 тысяч рублей, у мастера — 101 тысяча, у госинспектора — 79 тысяч, лесоводы по третьему разряду получают чуть больше 43 тысяч рублей и по этому же тарифу оплачиваются вынужденные простои. Добавлю к сказанному, что ставка на посевных работах немногим выше 54 тысяч рублей...

По дороге, ведущей в Дунилово, увидели мы человека, идущего в деревню. Шубков остановил машину, предложил наши услуги прохожему. Забираясь внутрь машины, старичок прищурился:

— Не Василий Борисович будете?..

— А не помню. Может быть и он, — шутит Шубков. И вот уже разговор заходит о том, о сем. Попутчик наш сетует, как тяжело теперь живется пожилым людям. Лекарства давно пропа-

ли. Когда их не стало, взялись на водке травы настаивать, втирания в больные суставы делать. Так ведь и с водкой тогда непросто было, сами помните. А нынче — лекарств как не было, так и нет, зато водки — хоть залейся. На днях, после новогодних праздников, слыхали, от водки парень помер. Молодой совсем был...

Ну вот мы и в Дунилове. Прекрасное село, лес вокруг первозданный, чистый воздух, дома, не ущемленно жмущиеся, а горделиво и достойно отстоящие друг от друга, словно бы знающие себе цену...

Удивляется лесничий Иван Юрьевич:

— Рыбы раньше было... Сейчас уже не то. Хотя, кажется, почему? — народу-то не прибавилось. А леса вокруг Никольска и деревень повырубили...

Бог его знает, почему меньше рыбы стало в по-прежнему великолепных этих лесных краях, все еще берегущих себя (из последних сил, несмотря на нашествие лжебизнесменов и алкогольной чумы) от пришествия дикой цивилизации. Впрочем, планета-то ведь одна, Никольск — не Юпитер...

... Вот и приходится прощаться с богатыми лесными краями и прекрасными, душевно щедрыми людьми из Никольского лесхоза, хлебнувшими беды всей нашей страны, но неопустившими руки. И мне верится: острова России, цементирующие ее плоть, деревни, села и малые города, где есть такие самобытные люди, как тот же Шубков, отбросят неизбежную коррозию времени от своей малой родины, добьются процветания своего края.

Виктор КОРОЛЕВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Пути — перепутья

Тотемский район, если можно так сказать, самый что ни на есть лесной. Изготовляют здесь лес, — это главное богатство на Вологодчине, — целых пять леспромхозов, своих и соседних районов. Владения здешнего государственного лесхоза по площади, пожалуй, мало уступят территории какого-нибудь не слишком большого европейского государства. Если вы вздумаете проехать, разумеется, без УАЗика здесь не обойтись, по землям лесхоза, то вам придется преодолеть, большей частью по бездорожью, не менее ста километров.

Леса в районе простираются на площади в полмиллиона гектаров. В былое время Тотьма поставляла стране до миллиона кубометров древесины в год.

Директор здешнего лесхоза Дмитрий Александрович Рябев — человек деятельный, неравнодушный, совсем не склонный мириться с обстоятельствами сегодняшней непростой жизни, по-настоящему «болеет» за судьбу родной отрасли и, кажется, небезосновательно беспокоится за нее. Он может многое рассказать, как здесь, в Тотьме, лесохозяйственники умудряются в своем плавании по бурным волнам нашего дикого рынка не только не утонуть, но и помаленьку, похоже, пригребают к спасительному берегу. Нет, о материальной стабильности гослесхоза пока говорить не приходится. Но поучиться у Рябева совсем не вредно. Все-таки коллектив лесхоза не пасует перед трудностями и, главное, живет не одним днем. Здесь, несмотря ни на что, думают о перспективе, о будущем.

Много любопытного я узнал еще на совещании директоров лесхозов, которое проходило в конце 1994 года, как раз после третьего съезда лесничих России, обсудившего проблемы лесного хозяйства страны. С интересом тогда слушал зал худощавого

средних лет мужчину. Видно было, что он затронул самые большие беды отрасли. А речь, конечно, шла о лесовосстановлении, об уходе за молодняками, о том, что лесохозяйственники далеко не все делают, чтобы отдать сполна свои долги северной тайге, восстановить былой генофонд древостоев. Ведь десятилетиями мы, что называется, полном мерой черпали ее богатства, не очень-то заботясь о восстановлении лесных ресурсов.

Вот только один вопрос, затронутый Рябевым. Как известно, теперь лесное законодательство предполагает передать дело восстановления лесов на площадях, где они вырублены, в руки самих лесозаготовителей. Только недаром же говорится, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Не готовы, оказывается, родные лесозаготовители, подчеркнул оратор, к новым для них заботам. И технически, и, если хотите, психологически... Не имеют они, к примеру, пока ни специально обученных людей, ни техники. А если лесоруб годами привык смотреть на лес как на источник своего материального благополучия и думал лишь о сиюминутной выгоде, то попробуй в одночасье или даже в год-два перестроить его сознание? К тому же непривычно для лесоруба трудиться по тем низким расценкам, по которым всегда платили его собрату-лесоводу. Словом, чудеса бывают только в сказках. Жизнь далеко не всегда вписывается в строгие рамки законов, даже если они, вроде бы, хороши.

Вот и получается, что при заключение арендных договоров, которые регулируют взаимоотношения лесохозяйственника, как хранителя природы, и лесозаготовителя, последние всеми правдами и неправдами стремятся уйти от слишком обременительных хлопот. И если даже в договоре они обозначены более или менее четко, то законодательство, подзаконные акты оставляют сколько угодно лазеек, чтобы увильнуть от обязательств, предусматривающих ту же посадку леса или уход за насаждениями. И вообще дела в лесопромышленном комплексе в последние годы таковы, что возлагать на него слишком большие надежды по меньшей мере несерьезно. Сама структура технических средств леспромхоза никак не ориентирована на лесовосстановление и изменить ее в обозримом будущем, при резко ухудшающемся финансовом состоянии предприятий лесной промышленности, никак не удается.

Штрафы? Экономические санкции? Но сегодня ими лесозаготовителей не напугаешь, как, впрочем, это было и прежде. Да и

станет ли тут усердствовать иной директор лесхоза? Разумно ли резать курицу, несущую золотые яйца? Авось, лесозаготовители все же встанут на ноги...

Дмитрий Александрович тогда назвал и первопричины всех бед отрасли. Это разрушение производства вообще и в лесопромышленном комплексе в частности. А снижаются лесозаготовки — скудеет и бюджет районов. А от этого бедны и лесхозы — главные наши радетели о благополучии леса и природной среды. Поистине, куда ни кинь — везде клин. Федеральный бюджет выделяет деньги в таких суммах, которые покрывают чуть больше половины потребностей лесохозяйственников. Самый верный источник пополнения средств — лесные подати. Но, во-первых, они не столь велики все по той же причине — снижаются лесозаготовки и даже сплошь и рядом не осваивается расчетная лесосека. Это очень большая проблема и она заслуживает отдельного разговора. Отметим лишь то печальное обстоятельство, что урон от этого не только народному хозяйству и окружающей среде не поддается учету. Ведь перестойные леса просто гибнут без пользы. Пропадает огромное богатство. Снижается кислородный потенциал древостоев. Если приспевающие леса обладают высокими санитарно-гигиеническими свойствами, то от так называемого выпадающего древостоя проку мало — гниющая древесина лишь поглощает огромное количество кислорода.

Итак, все упирается в денежные средства. Где их взять? На этот вопрос недвусмысленно ответил Валерий Александрович Шубин, руководитель федеральной службы лесного хозяйства России. Рябев, конечно, хорошо помнит тот разговор на всероссийском селекторном совещании. Ищите, мол, средства на местах. Особые надежды возлагать на помощь сверху по меньшей мере бессмысленно. Это все равно, что ждать у моря погоды.

В коллективе Тотемского лесхоза, кажется, больше уповают на собственные силы. Пробуют все, что согласуется с присловием: на бога надейся, да сам неплошай.

Здесь, в Тотьме, еще до перестроечного времени в лесхозе занимались переработкой древесины. Свыше ста рабочих выпускали самую разнообразную продукцию ширпотреба. Однако основы лесного законодательства и другие нормативно-правовые акты, принятые в последние годы, поставили эту полезную в общем-то деятельность, скажем так, вне закона. Во всех лесхозах

она стала помаленьку свертываться. Ну, как же, все верно, лесоводы должны работать только в лесу, не отвлекаясь на дела посторонние! Как-будто возразить тут трудно. Только экономика не любит резких движений, рассудил Рябев. В Тотемском лесхозе все производство оставлено почти в целости и сохранности. Изменен только его статус. Так называемый лесохозяйственный участок, если можно так выразиться, крепко привязан к лесохозяйственной деятельности. Рабочие пилорам и деревообрабатывающего цеха все так же, как и прежде, выпускают продукцию ширпотреба, но уже не из древесины, полученной в результате рубок главного пользования, а из той, что взята от рубок ухода. Лесхоз продолжает делать сугубо полезное для жителей района дело, поставляя на местный, и не только на местный, рынок товары широкого потребления. Это, во-первых. Во-вторых, он все же не распустил своих рабочих на все четыре стороны, не сделал из них безработных. Но как же так, производством ныне заниматься не выгодно. Зачем тратить столько сил, чтобы поднять неподъемное? Что ответить на эти упреки Д. А. Рябеву? Он их слышит не так уж редко. В таких случаях директор чаще предпочитает отмолчаться. Про себя же лелеет мысль: должна же когда-нибудь измениться экономическая ситуация. Ведь этак скоро в магазинах нечем будет торговать!

Дмитрий Александрович Рябев не может примириться с таким положением. И, кажется, вопреки всякой логике пока не только стремится сохранить производственные цеха, но и расширить их. В течение года лесхоз произвел на несколько сот миллионов рублей столярки, обрезных материалов, вагонки, штакетника, тарной дощечки...

И, видно, совсем не зря. В кабинете директора телефон не умолкает. Звонят из Вологды, из соседних областей, желающих купить изделия деревообрабатывающего и лесопильного цехов много. Берут продукцию леса и свои родные предприятия и организации: строители, районные отделы народного образования и здравоохранения. Не ехать же, в самом деле, за всем этим добром из своего лесного района куда нибудь на сторону!

Но самая большая польза от производственных цехов в другом. Рабочие в летнюю пору используются в лесу, занимаясь посадкой и посевом лесных культур, осуществляя рубки ухода за

молодняками, выполняя многие другие лесохозяйственные обязанности.

И еще один важный момент. Имея широкую производственную базу (мастерские, гаражи, навесы для техники, кузницу, склады горюче-смазочных материалов и т.д.) администрация лесхоза в условиях хронического дефицита денежных и материальных средств все же вольна проявить мобильность в трудных ситуациях и имеет возможность принимать более оптимальные решения. Более того, Дмитрий Александрович считает, что без крепкой материальной базы просто нельзя заниматься полнокровной лесохозяйственной деятельностью. В самом деле, можно ведь дожить до того, что в своем хозяйстве скоро негде будет выточить простую гайку.

Именно поэтому, невзирая на скудные финансовые возможности, администрация лесхоза только в последний год приобрела две пилорамы, новые деревообрабатывающие станки. Проведена реконструкция столярного цеха, ряд других производственных участков.

Но вот парадоксальная вещь. Развитие нашего законодательства безнадежно отстает от жизни и, кажется, многие нормативно-правовые акты вяжут по рукам и ногам все полезные начинания администрации лесхоза. Весной рабочие, как уже отмечалось, оставляют станки и отправляются в лес, где сажают лесные культуры и ведут рубки ухода. Святое дело! Но именно за него и жестоко наказываются лесохозяйственники. Налоговая служба взимает налоги за то неиспользованное оборудование, что в летнюю пору временно не работает. Финансовое положение лесхоза обостряется настолько, что в пору прекращать работы в лесу. Но где, скажите, взять людей взамен тех, которых лесхоз имеет сегодня? А сколько неурядиц возникает в бухгалтерии лесхоза только из-за того, что бюджетные и «свои» деньги разделены настолько, что проявить хоть какую-то инициативу в интересах дела администрации никак невозможно. Попробуй использовать хотя бы рубль не по назначению — беды не оберешься.

Как видите, мы попали в заколдованный круг. Лесозаготовители сегодня лесохозяйственников заменить не могут. А лесохозяйственники не в состоянии наращивать объемы лесовосстановления. И, кажется, всем, кто хоть как-то причастен

к лесным делам, хорошо известно, что нет сегодня задачи более важной, чем воспроизводство природных ресурсов — нашего главного богатства и сегодня, и особенно в будущем.

Дело еще в том, что долги наши перед лесом не только не уменьшаются, но растут. Планы-то лесовосстановления гослесхозам формируются «под деньги». То есть определяются отнюдь не потребностями тайги, а возможностями бюджета. Разумеется планы Тотемский лесхоз выполняет. А если их увеличить с учетом потребностей окружающей среды? Если поставить задачу целенаправленно формировать ценные древостои да еще с оптимальным породным составом? При этом добиваться уже в самые ближайшие годы высокой продуктивности насаждений и насколько возможно улучшить их санитарно-гигиенические свойства?

Д. А. Рябев подсчитал, что для этого следовало бы проводить различные рубки ухода на тринадцати тысячах гектаров, в том числе за молодняками и средневозрастными насаждениями на восьми тысячах гектаров. Гослесхоз же, пока справляется едва ли с пятой частью этих работ. Ежегодно следовало бы проводить посев, посадку лесных культур и так называемые мероприятия по естественному лесовосстановлению на шести-семи тысячах гектаров. Делается почти в два раза меньше. Может ли в такой ситуации оставаться спокойным честный лесохозяйственник? Вопрос, как вы понимаете, риторический. И о реализации программы, отвечающей нуждам природы, лесовод может лишь мечтать.

Может позаимствовать зарубежный опыт? Мировая практика свидетельствует: все доходы от леса целесообразно направлять на воспроизводство лесных ресурсов. Там именно так и поступают. А у нас? На эти цели в лучшем случае расходуется половина лесного дохода, бывает и меньше. Потому что трудно формируются районные бюджеты. И когда случается обездоленной медицина или народное образование, нет — нет да и возникают разговоры даже о снижении доли лесных податей именно на цели лесохозяйственников. Дескать, как-нибудь проживут. А урон-то наносится лесу, природе! Правда, администрация Тотемского района пока в обиду лесоводов не дает. Но чем, как говорится,черт не шутит. Разговоры о том, что лесхозы живут чуть ли не вольготно, как это ни странно, не прекращаются. На деле же все обстоит как раз наоборот. Зарплаты мизерные. Скажем, у основ-

ной категории работников леса — лесников, они не превышают пятидесяти-семидесяти тысяч рублей. А ведь их труд сопряжен с самыми настоящими лишениями. Сплошь и рядом лесник даже питается всухомятку. От того текучесть кадров. В иных лесничествах Тотемского района за последние год-два состав лесников обновился полностью. Надо ли говорить подробно, как скажется это на жизни леса?

Пожалуй, у нынешнего директора лесхоза рабочий день начинается с разговора о деньгах. Как их достать? Этот вопрос как дамоклов мечь висит постоянно над головой директора. Вот тот же Тотемский лесхоз. Требуется расширять площадь питомника, где выращиваются лесные культуры, надо бы продолжать разработку торфоболота — без удобрений молодые деревца приживаются плохо. А где взять средства на внедрение прогрессивной скандинавской технологии по проведению рубок ухода? Ведь за две финские пилы «Хускварна» пришлось выложить без малого четыре миллиона. За импортную трелевочную машину просят аж десять тысяч кубов березового баланса. Что, отказаться от передовой технологии и все делать по старинке? Но этого характер, Д. А. Рябева просто не позволит.

Забот у директора лесхоза хватало всегда. Ныне на его голову свалились настоящие беды. Как быть с содержанием лесхозовского жилья, коммунальных объектов? А что делать с «незавершенкой» в строительстве? В Тотемском лесхозе еще до пресловутой перестройки затеяли перестроить добротные коровник и свинарник в кирпичном исполнении. Объекты, в которые по нынешним ценам вложены миллионы рублей, теперь лесхозу наверняка не по зубам. Но как ими распорядиться?

Одна надежда у директора лесхоза. Может экономика, наконец-то, войдет в нормальную колею, наступят перемены, когда в почете и чести будет не барышник, торговец, спекулянт и банкир, а работник, производящий материальные ценности и, конечно, те труженики, что стоят на страже природных богатств государства, главного достояния нашей державы.

ТОТЬМА — ВОЛОГДА